ГУЗАРАТСКІЯ СУЛТАНШИ,

ИЛИ

СНЫ НЕСПЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ,

МОГОЛЬСКІЯ СКАЗКИ.

СОЧИНЕНІЯ Г. ГЮЛЬЕТТА.

Переведены съ Французскаго языка.

ТОМЪ II.

Изданіе третіе.

МОСКВА.

Въ Типографіи Компаніи Типографической,

1788.

ТОТЪ ЖЕ XIII ВЕЧЕРЪ.

Продолженіе исторіи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Мы наслаждались, продолжала Канцадея, совершеннымъ спокойствіемъ, какъ рокъ показалъ намъ вскорѣ, что еще не совсѣмъ примирился съ нами, и что надлежало намъ сносить гораздо большія бѣдствія, нежели какія претерпѣли. Уже съ мѣсяцъ плыли мы по морю весьма благополучно, какъ однимъ утромъ Альбаертъ взбѣжалъ ко мнѣ въ каюту, гдѣ также и Принцъ былъ со мною, показывая знаки ужаса и боязни. Милостивый Государь! сказалъ онъ Котбедину: пріуготовляйтесь къ защищенію своей жизни съ небольшимъ числомъ людей, желающихъ умереть за васъ съ охотою; познайте всю мерзость души Ормуцкаго Султана. Сей Государь, или паче сіе чудовище, повелѣлъ корабельному Капитану бросить васъ здѣсь въ море, а Принцессу возвратить въ свои земли; и сей человѣкъ, который подчиненнымъ своимъ показалъ теперь сіе повелѣніе, вознамѣрился, пренебрегая своею жизнію, исполнить волю своего Монарха. Сіе увѣдалъ я отъ одного изъ тѣхъ, которымъ Капитанъ открылъ свои намѣренія, и который не только того исполнить не хочетъ, но еще всячески старается обратить всѣхъ Султановыхъ солдатъ на нашу сторону. Толь ужасная вѣсть, примолвила Принцесса, сдѣлала меня

 ня

ня вдругъ безмолвною, и скорбь моя была столь велика, что не знаю, какъ на томъ же мѣстѣ не скончала бѣдственную жизнь свою; что же касается до Котбедина, то онъ не устрашился ни мало предстоящей ему опасности; но чувствительно былъ тронутъ моимъ состояніемъ. Онъ препоручилъ меня Карабагѣ, и взявъ свою саблю, вышелъ изъ каюты, у дверей коей увидѣлъ онъ великодушнаго того Персіянина, который Альбаерта о повелѣніяхъ Султанскихъ увѣдомилъ, болѣе нежели съ дватцатью храбрыми солдатами, вознамѣрившимися лучше умереть, нежели допустить до того, чтобы Принцъ приведенъ былъ въ нещастіе. Онъ обнималъ его со всѣми знаками искренной благодарности, и пошелъ на встрѣчу Капитану для укоренія его подлости и дерзости.

Сей человѣкъ, видя, что намѣреніе его открыто, поспѣшалъ исполнить оное, думая, что учинить то легко можетъ въ разсужденіи множества измѣнниковъ, слѣпо ему повинующихся. Онъ напалъ на Принца съ великою яростію; но въ Котбединѣ, Альбаертѣ и прочихъ ихъ товарищахъ толь сильное нашелъ сопротивленіе, что приведенъ былъ въ отчаяніе. Никогда еще не производилъ Принцъ толь ужасныхъ дѣлъ, мужество являющихъ; съ помощію Альбаерта, великодушнаго Персіянина и своихъ защитниковъ убилъ онъ изъ враговъ своихъ болѣе шестидесяти человѣкъ, и уже отъ продолжающагося болѣе двухъ часовъ сраженія такъ онъ утомился, чтобы множествомъ непріятелей совсѣмъ побѣжденъ

денЪ былЪ, какЪ небо, казалось, послало кЪ намЪ на вспомоществованіе два корабля, которыхЪ отЪ произходившаго у насЪ на кораблѣ смятенія не можно было увидѣть, и кои пристали кЪ намЪ вЪ ту минуту, когда о томЪ ни мало не помышляли; но естьли бы приближилися они хотя минутою позже, то бы Котбединъ конечно погибЪ, не будучи уже болѣе вЪ состояніи защищаться. Между тѣмЪ, какЪ новые сіи воины, которые на мужество Котбедина и Альбаерта не могли взирать безЪ удивленія, порубили нашихЪ непріятелей, ПринцЪ, не могши отЪ крайняго изтощенія силЪ своихЪ на ногахЪ болѣе держаться, палЪ кЪ большой мачтѣ; а АльбаертЪ, покрывЪ его своимЪ тѣломЪ, ожидалЪ, какое рѣшеніе начальники сихЪ солдатЪ положатЪ ихЪ судьбинѣ. Капитаны обоихЪ кораблей казалось весьма много ихЪ почитали, и потому о спасеніи жизни ихЪ всячески старались. Они велѣли учинить намЪ всевозможное вспоможеніе, и какЪ раны Принцовы, Альбаертовы и Персіянина не весьма опасны были, то врачи, перевязавЪ оныя, почли за нужное оставить вЪ покоѣ. Они начинали наслаждаться пріятностію онаго, какЪ я увидѣла себя вЪ гораздо несноснѣйшемЪ прежняго состояніи, увѣдавЪ, что попались мы вЪ руки морскихЪ разбойниковЪ, и что они о нашедшейся на кораблѣ нашемЪ добычѣ спорили между собою. Но сколь велика была печаль моя, когда увидѣла, что любезнаго моего Котбедина, пріятнымЪ сномЪ наслаждающагося, понесли на тюфякѣ на одинЪ изЪ кораблей разбойническихЪ и сЪ нимЪ Персіянина и

 мно-

многихъ изъ его защитниковъ. Никогда еще не терзалась я толь жестокимъ отчаяніемъ; крики мои нарушили бы конечно сонъ его; но сей корабль, поднявъ тотчасъ парусы, унесъ съ собою всѣ мои надежды. Долгое время не могла я притти отъ того въ чувство.

Къ немалому для меня благополучію не разлучили меня съ Карабагою, Гуль-Эндамою и Альбаертомъ. Хотя они будучи такими же нещастіями угнѣтаемы, прилагали всѣ свои силы привесть меня въ память; однако не могли умѣрить той чрезмѣрной печали, которую я чувствовала, особливо какъ начальникъ нашего корабля, не взирая на плачевное мое состояніе, нашедъ во мнѣ еще нѣсколько красоты, объявилъ мнѣ, что удостоиваетъ меня своимъ вниманіемъ, и что отъ меня самой зависитъ, чтобы плѣнъ мой былъ самый легчайшій и пріятнѣйшій.

ВЕЧЕРЪ XIV.

Продолженіе исторіи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Такая вѣсть умножила еще болѣе мое отчаяніе; стократно покушалась броситься въ море, и намѣреніе сіе исполнила бы конечно, естьли бы Альбаертъ не отвращалъ оное, обѣщавая мнѣ употребить всѣ свои силы къ воспрепятствованію предпріятій морскаго разбойника.

Ночь, которая за симъ для меня ужаснымъ днемъ слѣдовала, препроводила я въ толь великомъ безпокойствѣ, что въ прежестокую

слегла

слегла горячку; и Альбаертъ, видя, что оная единственно отъ печали произходила, думалъ подать мнѣ нѣкоторое облегченіе, говоря такъ: мнѣ кажется, государыня! что на семъ корабле великое несогласіе является, и что новой вашъ любовникъ не очень любимъ своими подкомандующими; позвольте мнѣ взбунтовать противъ его собственныхъ его солдатовъ; я вамъ клянусь, что надѣлаю ему столько хлопотъ, что трудно ему будетъ избавиться отъ оныхъ.

Альбаертъ сдержалъ свое слово; онъ разсказалъ всѣмъ на кораблѣ бывшимъ разбойникамъ, что начальникъ ихъ, проча меня только себѣ одному, лишаетъ ихъ величайшей добычи; что я супруга Висапурскаго Государя, и что они выкупу за меня все то получатъ, что захотятъ, когда со мною съ должнымъ почтеніемъ поступать будутъ; притомъ угрожалъ ихъ его жестокостію и яростію, естьли они то упустятъ, потому что онъ столь силенъ, что пойдетъ ихъ искать по всему міру, и жесточайшими казнями отмститъ имъ за всѣ прискорбія, которыя они обожаемой имъ супругѣ учинить отважатся. Увѣрялъ ихъ, что сей Государь сдѣлаетъ для нихъ столь много добра, естьли они меня защищать станутъ, что впредь могутъ оставить такое ремесло, которымъ набогащаются они, приводя жизнь свою ежеминутно въ опасность. Представленія Альбаертовы толь много имѣли дѣйствія, что одинъ изъ разбойниковъ взялся говорить о томъ съ своимъ начальникомъ. Онъ объявилъ ему свое посланіе,

 но

но столь дерзскими словами, что сей злодѣй, пришедъ въ великій гнѣвъ, не сказалъ ему въ отвѣтъ ничего; но кинжалъ свой вонзилъ ему въ грудь. Толь жестокосердый поступокъ привелъ всѣхъ разбойниковъ въ такое удивленіе, что всѣ стали неподвижны, и не смѣли отмстить смерть своего сотоварища, какъ Альбаертъ, схватя саблю умерщвленнаго, и бросясь на злосердаго разбойника, ударилъ его столь сильно, что разсѣкъ его на двое, и сею смертію спасъ меня отъ врага самаго опаснѣйшаго.

Всѣ разбойники, удивляясь силѣ и неустрашимости Альбаерта, взирали на него съ того времени съ великимъ подобострастіемъ. Ты достоинъ бы былъ повелѣвать нами, сказали ему всѣ солдаты единогласно, естьли бы мы толь опасное ремесло продолжать хотѣли; но вознамѣрясь послѣдовать твоимъ совѣтамъ, повези насъ въ Висапуръ, чтобы тамъ сію Принцессу возвратить ея супругу, и сдержи данное намъ тобою слово.

Альбаертъ подтвердилъ имъ вторично свое обѣщаніе; и пользуясь склонностію сихъ людей, велѣлъ направить корабль къ Дабулу (*), куда мы по весьма щастливомъ пути и пріѣхали, и гдѣ въ знакъ почтенія къ моей особѣ меня не обыскивали. Я дала Альбаерту свое опоясье, на которое, отъѣжжая изъ Гомрона, велѣлъ я нашить лучшія мои каменья, и которыя прятала я съ великимъ раченіемъ. Онъ продалъ нѣсколько изъ оныхъ Дабульскимъ Жидамъ, и получа за

(*) Морская гавань Висапурскаго государства.

за то болѣе ста тысячь золотыхъ, раздѣлила двайцать четыре тысячи между тѣми, которые на кораблѣ нашемъ находились, и кои тѣмъ весьма довольны были. Разлучась такимъ образомъ съ сими храбрыми людьми, вознамѣрились мы ѣхать въ Висапуръ сухимъ путемъ, надѣясь узнать тамъ о Принцѣ Котбединѣ, который можетъ быть разбойникамъ далъ выкупу; но какъ я при семъ дворѣ объявить о себѣ не хотѣла, естьли не найду тамъ Принца, то для лучшей способности разсудила за благо, также и Гуль-Эдама, перерядиться въ муское платье. И такъ, выѣхавъ изъ Дабула, прибыли мы чрезъ пять дней въ Висапуръ, гдѣ къ жесточайшему моему прискорбію увѣдала, что о Котбединѣ тамъ ничего неизвѣстно.

Альбаертъ ходилъ по повелѣнію моему къ Висапурскому Султану съ тѣмъ, чтобы увѣдомить его о заточеніи его сына и о имени того разбойника, который командовалъ тѣмъ кораблемъ, на который онъ взятъ былъ, такъ какъ то узналъ онъ отъ тѣхъ, кои намъ свободу даровали. Сей Государь, пришедъ приключеніемъ симъ въ отчаяніе, повелѣлъ немедленно отправить въ Индѣйское и Аравійское море двайцать кораблей для сысканія нещастнаго Принца. Между тѣмъ, какъ сіи корабли старались найти Котбедина, оставила я надзирателю главнаго Висапурскаго караванъ-сераля письмо къ Принцу, когда онъ возвратится, въ которомъ увѣряла его, что по большой мѣрѣ чрезъ шесть мѣсяцовъ буду дожидаться его въ Камбаѣ, куда хотѣла

тѣла

тѣла я быть изъ Хитора. Не зная, буду ли когда въ состоянiи наградить достойнымъ образомъ оказанныя мнѣ Альбаертомъ услуги, почитала, что по крайней мѣрѣ должно мнѣ въ сей городъ съѣздить для сысканiя тамъ слѣпаго, о которомъ старикъ упоминалъ ему во снѣ. И такъ, отправясь изъ Висапура сухимъ путемъ, прибыли мы въ Хиторъ по долговременной и безпокойной ѣздѣ; а какъ мы странствовали такими людьми, кои хотѣли быть безъизвѣстны, то пристали мы въ караванъ-сераль; а на другой день, пришедъ къ мечети, нашли въ самомъ дѣлѣ у воротъ оной слѣпаго, каковаго описалъ ему во снѣ старикъ. Мы къ нему подошли, и Альбаертъ, давъ ему милостыни одинъ золотой, другъ мой! сказалъ ему, я проѣхалъ чрезъ Аравiйское море и чрезъ нѣкоторую часть Индѣйскаго Океана, а сухимъ путемъ отъ Дабула до сего города единственно для того, чтобы съ тобою видѣться. Чтобы со мною видѣться! отвѣтствовалъ слѣпой со удивленiемъ. Какую рѣдкость находишь ты во мнѣ, что въ толь дальнiй путь пустился? ибо тебѣ надлежало проѣхать конечно болѣе осьми сотъ миль. Въ самомъ дѣлѣ я не менѣе проѣхалъ, сказалъ Альбаертъ, а можетъ быть еще и болѣе, въ разсужденiи различныхъ приключенiй, случившихся съ нами на семъ пути; но всѣ мои труды наградятся, естьли ты объявишь мнѣ то, что я нетерпѣливо знать желаю. Великодушiе твое въ разсужденiи меня весьма велико, и потому не думай, чтобы я могъ отказать тебѣ въ чемъ, что отъ меня зависитъ, отвѣтствовалъ

слѣпой;

слѣпой; разскажи мнѣ только о своемъ дѣлѣ. Три раза сряду видѣлъ я во снѣ одного старика, которой приказывалъ мнѣ въ сей городъ ѣхать, и увѣрялъ меня, что у вратъ сей соборной мечети встрѣчусь съ слѣпымъ, которой откроетъ мнѣ о весьма великомъ сокровищѣ. Долго не хотѣлъ я такому сну вѣрить, и предпріять толь дальній путь; но напослѣдокъ то исполнилъ, тебя нашелъ; и такъ что можешь объявить мнѣ теперь радостнаго?

Слѣпой по окончаніи словъ сихъ захохоталъ. Дружокъ! сказалъ онъ ему, конечно у тебя разумъ еще очень молодъ, что безъ всякаго разсужденія въ толь дальній путь пустился; я хотя и слѣпъ, однако болѣе имѣю разсудка, нежели ты. Подобный сему сонъ видѣлъ я болѣе шести разъ. Одна старуха приказывала мнѣ во снѣ почти тоже; однако вѣрить оному ни мало не отважился. А что приказывала тебѣ сія старуха? спрашивалъ Альбаертъ. Самой вздоръ и нелѣпица, и столь несходное съ разумомъ, что я на то не хотѣлъ ни малаго употребить вниманія. Она увѣряла меня, продолжалъ слѣпой, что естьли хочу получить паки зрѣніе, котораго лишился я по случаю, то чтобы ѣхалъ въ городъ Ормуцъ, чтобы въ полмилѣ отъ онаго на морскомъ берегу спросилъ дворъ Альбаертовъ, что въ семъ домѣ есть небольшая башня, стоящая на одномъ углу сада, что въ сей башнѣ въ стѣнѣ сдѣланъ шкафъ, которой заставленъ написанною молодою крестьянкою, держащею одинъ палецъ на устахъ; что въ семъ шкафѣ, выключая чрезмѣрнаго множества

жества драгоцѣнныхъ каменьевъ и золота, найду небольшую скляночку, наполненную чудотворною водою, отъ которой получу паки зрѣніе, и что сія вода составлена однимъ великимъ Философомъ, Багалуломъ называемымъ, другомъ великаго нашего Пророка. Вотъ сколько я могу упомнить, потому что сія старуха, какъ я тебѣ сказывалъ, являлась мнѣ многократно; но все сіе почиталъ я за глупость, и никогда о томъ не хотѣлъ помыслить, хотя уже тому прошло болѣе года, и хотя много имѣлъ случаевъ въ Ормуцъ ѣхать.

ВЕЧЕРЪ XV.

Продолженіе и заключеніе исторіи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Никто не могъ быть приведенъ въ такое удивленіе, въ которое Альбаертъ и мы пришли, сіе услыша. Другъ мой! сказалъ онъ слѣпому, обнимая его съ неизреченною радостію, теперь то познаю я, что сонъ мой весьма справедливъ. Я Альбаертъ, сынъ Багалуловъ, одного изъ ученѣйшихъ людей въ Персіи. Сны наши между собою очень сходны, и потому въ объявленномъ тобою шкафѣ найду конечно всѣ сокровища, кои ты мнѣ описываешь, и съ моей стороны могу обѣщать помочь тебѣ чудотворною водою, которая тамъ конечно есть, потому что мой родитель вдохновеніемъ великаго нашего Пророка имѣлъ отъ неизлечимѣйшихъ болѣзней средства, и я не сомнѣваюсь, чтобы съ сею скляночкою не нашли мы еще толь же чудесныхъ лѣкарствъ.

Слѣ-

Слѣпой пришелъ также въ величайшее удивленіе. Какъ! ты тотъ Альбаертъ, сказалъ онъ ему, ты тотъ человѣкъ, котораго почиталъ мнимымъ? Ты сынъ Багаулуовъ? У тебя не подалеку отъ Ормуца есть домъ, въ саду котораго находится башенка, въ которой есть приставленная къ шкапу нарисованная молодая крестьянка, держащая одинъ перстъ на устахъ? Да, другъ мой! сказалъ ему на то Альбаертъ, все сіе истинно; и хотя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и нескоро можно намъ въ Персію возвратиться, однако вижу, что скончаніе нашихъ злополучій уже приближается, и мы имѣемъ причину думать, что Посланникъ Божій, воззрѣвъ на насъ, сжалится, и тронетъ сердце того Государя, который насъ въ толь бѣдственное состояніе приводитъ; но какъ бы то ни было, однако пойдемъ съ нами; я вижу, что бѣдность тебя угнѣтаетъ; будь увѣренъ, что всѣми силами стараться стану доставлять тебѣ все нужное; но прежде нежели въ Персію возвратимся, раздѣляй съ нами всѣ нащи труды и удовольствія. Съ великою охотою, сказалъ слѣпой; я человѣкъ одинакой, ничто меня не держитъ, и съ сей же минуты я отъ васъ уже болѣе не отстану. Тогда повели мы съ собою слѣпаго, и пробывъ въ Хиторѣ только два дни, отправились въ Камбай, гдѣ по пріѣздѣ нашемъ туда остановились въ караванъ-сералѣ. Сколь прискорбно, что сей бѣдный человѣкъ, не нашедъ насъ тамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ сихъ чертогахъ находимся, почтетъ насъ конечно за обманщиковъ, и смертельною печалію терзаться будетъ, видя себя игралищемъ Альбаерта.

Ге-

Гегернаца, видя, что Принцесса говорить перестала, спросила ее, для чего слѣпой не ужиналъ у надзирателя надъ караванъ-сералемъ въ тотъ вечеръ, какъ они въ Камбай пріѣхали? Будучи обезпокоенъ отъ пути, а можетъ быть и чувствуя въ себѣ какой припадокъ отъ перемѣны пищи, отвѣтствовала Канцадея, выпросился онъ у насъ отдохнуть. Когда такъ, сказалъ Кофробъ, то онъ конечно еще въ Камбаѣ, и я прикажу перенести его немедленно въ сіи мѣста. По томъ, обратясь къ Принцессѣ, говорилъ ей такъ: добродѣтель твоя, любезная Принцесса! была неправедно изгоняема, и потому Пророкъ нашъ защищалъ тебя конечно во всѣхъ съ тобою приключившихся бѣдствіяхъ для того, что онъ вспомоществованіе свое посылалъ къ тебѣ всегда въ настоящее время, и я именемъ его тебѣ объявляю, что съ Принцомъ Висапурскимъ увидишься вскорѣ, и что онъ супругомъ твоимъ будешъ. Предсказаніе сіе тебя конечно удивляетъ; оно удивляетъ и меня самаго; но повинуясь внушеніямъ великаго Магомета, вижу себя принужденнымъ объявить тебѣ, что скончаніе твоихъ нещастій уже приближается.

Толь неожидаемая вѣсть чуть было не лишила жизни отъ радости внѣ себя пришедшую Канцадею. Можетъ ли то статься, чтобы по претерпѣніи толикихъ бѣдствій могла я быть женою мужественнаго Копбедина? Ахъ, почтенный старецъ! вскричала она, конечно горесть моего рока усладить стараешься, объявляя мнѣ толь неожидаемое благополучіе? Оно превосходитъ

дитъ мои надежды; не раздражись же сомнѣніемъ моимъ о точности твоихъ обѣщаній; но лице твое являетъ мнѣ, что вѣщаешь истинну, и уже начинаю вѣрить, что ты обмануть меня не ищешь. Нѣтъ, драгая Принцесса! сказалъ Кофробъ, вскорѣ отдашь ты мнѣ справедливость, и узнаешь, что говоренное мною внушено мнѣ Пророкомъ.

Султанши слушали со удивленіемъ обѣщанія Имана: онѣ все воображали себѣ, что для услажденія страсти Принцессы обѣщалъ онъ ей мнимое благополучіе, не видя никакихъ средствъ, которыми бы печаль ея могла окончаться вскорѣ. Однако, согласуясь съ нимъ, возобновляли ей данныя ими увѣренія въ покровительствѣ, которое тѣмъ пріятнѣе было, что она точно была увѣрена, что Султанши конечно благодѣтельные духи, естьли все, что въ чертогахъ сихъ происходило, не сновидѣніе.

Какъ время ужинать настало, то Султанши изъ зала вышли, а сихъ гостей отвели въ ту комнату, гдѣ обыкновенно столъ для нихъ пріуготовлялся. Лишь только сѣли они за столъ, какъ Принцъ Ширинъ ввелъ къ нимъ туда слѣпаго, самъ же тотчасъ вонъ вышелъ. Альбаертъ, увидя его, вскочилъ изъ за стола съ поспѣшностію, и побѣжалъ ему на встрѣчу. Ахъ, любезный другъ! сказалъ онъ ему, я съ тобою еще увидѣлся! Сколь много печали причиняла мнѣ разлука наша! Слѣпой, услыша голосъ Альбаертовъ, простеръ руки, и обнимая его съ великою горячностію, говорилъ: я думалъ, что потерялъ

тебя

тебя на вѣки, и проклиналъ ту минуту, въ которую съ тобою спознался, потому что почиталъ тебя обманщикомъ; теперь же вижу, сколь много я обманулся; но хотѣлъ бы только знать, для чего вы всѣ меня оставили, и гдѣ я теперь нахожусь? Надзиратель надъ караванъ-сералемъ старался, тому съ четверть часа, утѣшать меня въ безпокойствіяхъ моихъ о тебѣ, и мы уже сѣли за столъ, какъ въ комнату къ намъ взошелъ одинъ человѣкъ, который, схватя меня за руку, и сказавъ мнѣ только, чтобъ я за нимъ шелъ, вывелъ меня за ворота, возлѣ коихъ подхватили меня четыре человѣка, и поднявъ меня на воздухъ, принесли въ сіи мѣста. Когда тебѣ еще безъизвѣстно, гдѣ ты теперь находишься, сказалъ ему Альбаертъ, то знай, любезный другъ! что ты, какъ-то кажется, въ Гиннистанѣ, и что въ одинъ мигъ перенесли тебя Перицы въ чертоги толь же великолѣпные, каковые Пророкъ обѣщаваетъ по смерти всѣмъ истиннымъ Музульманамъ.

Слѣпой захохоталъ, отвѣтъ сей услыша. А, а! сказалъ онъ, это еще нѣчто новое. Сіи палаты построены въ городѣ Габкарѣ, или Анбарабадѣ. Ты видишь, что я карту сей земли нѣсколько разумѣю. Я не знаю, отвѣчалъ Альбаертъ съ важнымъ видомъ, въ западной ли части Африки мѣсто сіе находится, какъ-то нѣкоторые писатели обьявляютъ, или сіи благодѣтельные духи построили домъ сей въ другой какой части свѣта; но то конечно истинно, естьли пребываніе наше въ сихъ мѣстахъ не

почи-

почитать за сонъ людей неспящихъ, что мы перенесены туда волшебствомъ, и что здѣсь жить намъ весьма хорошо. Я не смѣюсь; жаль, что по нещастію лишенъ ты зрѣнія, чтобъ видѣть всѣ тѣ чудеса, которыхъ мы сами свидѣтели; но вскорѣ можетъ быть ощутишь ты, такъ какъ и мы, дѣйствія благодѣяній добродѣтельныхъ духовъ. А чтобы имѣлъ ты тому какое начало, то сядь съ нами за столъ. Великолѣпіе, ни съ чемъ несравненный вкусъ ѣствъ, покажетъ тебѣ, что ты находишься въ совершенно прохладномъ мѣстѣ.

Слѣпой былъ нѣсколько времени безмолвенъ; по томъ, прервавъ молчаніе, сказалъ: что мнѣ до того нужды, гдѣ я? только чтобы всегда былъ съ тобою и съ твоею бесѣдою, то я и доволенъ. Между тѣмъ сѣли они за столъ, который весьма весело препроводили. И какъ время пришло спать ложиться, то Принцессу и всѣхъ съ нею бывшихъ отвели по обыкновенію въ прежніе ихъ покои; слѣпаго же повели два невольника въ баню, гдѣ его обмыли, дабы на другой день можно ему было предстать предъ Султаншѣ; а оттуда отвели его въ назначенную для него комнату, и положили его на великолѣпную постель.

Между тѣмъ, какъ все сіе къ немалому увеселенію Султаншѣ происходило, Кофробъ сидѣлъ у Огуца, который повѣствованіемъ Канцадеи казался быть весьма доволенъ, и о нещастіяхъ ея крайнее изъявлялъ сожалѣніе. Сколь много буду я обрадованъ, сказалъ онъ Иману, когда сія Принцесса отъ изгоненій Кацанъ-Ка

ла освободится, и нашедъ Котбедина, соединиться съ нимъ непрерывнымъ союзомъ! Но сколь ни много подавалъ ей ты въ томъ надежды, однако съ великимъ трудомъ могу повѣрить, чтобы все сіе произошло вскорѣ. И такъ ты, Государь! конечно думалъ, сказалъ на то Кофробъ смѣючись, что при обѣщаніяхъ моихъ Канцадеѣ имѣлъ я только то намѣреніе, чтобы подать ей въ печали ея нѣкоторое облегченіе? Я считалъ, что ты о власти и силѣ моей былъ болѣе увѣренъ: изрядно, чтобы вывести тебя въ томъ изъ сомнѣнія, то завтра же увидишь удивительныя сіи дѣйствія.

Ночь сію всѣ въ сералѣ наслаждались пріятнѣйшимъ сномъ; и какъ уже разсвѣтало, то Гуль-Эндама, проснувшись, хотѣла облобызать любезнаго своего Альбаерта. Но онъ вмѣсто соотвѣтствованія на ея ласки, жизнь моя! сказалъ ей, дай мнѣ пожалуй еще заснуть; мнѣ право чрезвычайно спать хочется, потому что я только лишь теперь пріѣхалъ изъ Ормуца. Гуль-Эндама, слыша сіе, не могла отъ смѣха удержаться, на которой пришла къ нимъ въ комнату и Карабага, и отдернувъ у кровати завѣсы, хотѣла разбудить Альбаерта; но сколь велико было ихъ удивленіе, когда онѣ увидѣли у него на шеѣ золотую цѣпь, на которой висѣла небольшая коробочка изъ того же металла! Что это такое, любезный супругъ! сказала тогда Гуль-Эндама, откуда взялъ ты толь драгоцѣнную вещь? Это, отвѣтствовалъ Альбаертъ, потягиваясь и протирая глаза, небольшая коробочка, въ которой на-

ходится порошокъ, какъ дѣлать золото, и вода, которой чудесныя дѣйствія увидите вы вскорѣ надъ нашимъ слѣпымъ; но ради Бога, продолжалъ онъ, дайте мнѣ заснуть, мнѣ право чрезмѣрно спать хочется. О! сказала Карабага, взявъ его за руку, говори поскорѣе, кто тебѣ сію цѣпь и коробочку подарилъ? Альбаертъ, проснувшись тогда, и взирая съ крайнимъ внимaніемъ на то, что у него на шеѣ висѣло: о небо! вскричалъ; это не сонъ. И такъ то истинная правда, что я въ сію ночь перенесенъ былъ въ Ормуцъ; что старикъ, который въ Хиторъ приказывалъ мнѣ ѣхать, приводилъ меня въ объявленную слѣпымъ комнату, и что въ сей коробочкѣ находятся два неоцѣненныя сокровища. Конечно то истинно, я не могу въ томъ болѣе сомнѣваться; не трудно сдѣлать мнѣ того опытъ. Постарайтесь, сударыня матушка! продолжалъ онъ, оборотясь къ Карабагѣ, достать здѣсь жаровню, огня и кусокъ свинца. Я многократно видалъ, какъ покойный родитель то дѣлывалъ, и не сомнѣваюсь ни мало, чтобы не показалъ вамъ очевиднаго защищенія, которое Пророкъ мнѣ являетъ. Тогда Карабага спрашивала у одного изъ невольниковъ, не можно ли достать того, что сынъ ея требовалъ, въ разсужденіи чего все то принесли къ нимъ немедленно; и Альбаертъ, отломя свинцу почти съ полфунта, и положа его въ жаровню, посыпалъ на него порошка, который въ коробочкѣ находился, тогда вдругъ перемѣнился свинецъ въ золото. А! вскричалъ онъ, нѣтъ болѣе никакого сомнѣнія. Вотъ явный знакъ милосердія къ намъ

небесѣ; и я точно въ томъ увѣренъ, что вода въ сей скляночкѣ толь же чудесна, какъ и порошокъ сей, и что она другу нашему возвратитъ зрѣніе: я хочу то испытать надъ нимъ. Въ сіе время вошла Канцадея въ комнату къ Гуль-Эндамѣ, и приведена была въ неописанное удивленіе, увѣдавъ о всемъ тамъ происходившемъ; и какъ самыя необычайнѣйшія дѣла казались ей возможными въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ онѣ находились, то всему тому безъ всякаго сомнѣнія повѣрила; притомъ представляла Альбаерту, что не лучше ли будетъ сдѣлать опытъ сей чудесной воды въ присутствіи тѣхъ, коимъ онѣ столь много обязаны, и что дѣйствіе сіе надлежитъ отложить до того времени, въ которое должно имъ будетъ итти въ залъ.

Альбаертъ склонился на мнѣніе Принцессы, и пошедъ всѣ въ покой къ слѣпому для объявленія ему о приближающемся его излеченіи, застали его съ двумя невольниками, которые, выбривъ ему бороду, и натеревъ его благовоніями, надѣвали на него новую одежду и чалму, присланныя къ нему отъ Султанши. Обстоятельства сна Альбаертова слушалъ онъ съ такимъ удивленіемъ, что не могъ никакъ тому повѣрить. Вы хотите надо мною посмѣяться, сказалъ онъ имъ; но я не столь легкомысленъ, чтобы могъ тому повѣрить, что Альбаертъ былъ въ сію ночь точно въ Ормуцѣ, и оттуда назадъ въ сіи мѣста возвратился. Развѣ только вода, которою такъ много хвастаетъ, меня къ тому принудитъ, когда

гда возвратитЪ мнѣ зрѣніе. Не долго тебѣ того дожидаться, отвѣтствовала ему Карабага. ВЪ сей же вечерЪ познаешь ты чудесное дѣйствіе сей воды, которую по справедливости божественною назвать можно, естьли она вЪ своемЪ родѣ произведетЪ то же, что чудесный сей порошокЪ сдѣлалЪ. НаконецЪ, препроводя день вЪ великой радости, пошли ввечеру вЪ обыкновенное время вЪ залЪ, и какЪ всѣ сѣли тамЪ по мѣстамЪ, то АльбаертЪ разсказалЪ СултаншамЪ о всемЪ томЪ, что вЪ прошедшую ночь сЪ нимЪ случилось. Естьли онѣ, увидя коробочку и свинецЪ, превращенный вЪ золото весьма чистое, приведены были во удивленіе, то оное еще болѣе умножилось, когда разсмотря глаза слѣпаго, и узнавЪ точно, что онЪ ничего не видитЪ, одна изЪ нихЪ, взявЪ скляночку сЪ врачебною водою, налила ему оной на глаза нѣсколько капель, отЪ чего у него вЪ зрачкахЪ толь великая произошла перемѣна, что вмѣсто мутныхЪ и темныхЪ сдѣлались вдругЪ свѣтлыми, прозрачными и ясными.

Слѣпой, получа тогда паки зрѣніе, удивляясь великолѣпію зала, и всѣхЪ тамо находящихся людей, палЪ ницЪ на землю. АхЪ, великій ПророкЪ! вскричалЪ онЪ, естьли бы я когда нибудь могЪ о власти и описываемыхЪ закономЪ чудесахЪ твоихЪ усомниться, то бы теперь не позволено мнѣ болѣе было вЪ невѣрствіи остаться, видя толь чудесное со мною произшествіе. Признаю тебя, такЪ какЪ и всегда признавалЪ, великимЪ ПророкомЪ. Извѣстно мнѣ, что отЪ самаго

маго твоего изшествія изъ матерней утробы никто не слыхалъ отъ тебя ничего мимоидущаго. Будучи въ истиннѣ сей увѣренъ точно, приношу тебѣ искреннее благодареніе за милосердіе твое со мною. Заклинаю себя исполнять законъ твой съ вящшимъ прежняго раченіемъ, и признаю, что та же десница, которая за грѣхи мои наказала меня лишеніемъ зрѣнія, возвращаетъ мнѣ оное за мое чистосердечное покаяніе (*).

Такія рѣчи, сказалъ удивленный сими словами Альбаертъ, не до тебя касаются. Какъ! развѣ я, сказалъ зрячій слѣпой, не принужденъ былъ жить всегда подаяніемъ правовѣрныхъ, хотя сперва и самъ былъ въ состояніи дѣлать оныя. Какъ мнѣ кажется, сказала Гегерниаца, что жизнь твоя наполнена странными какими приключеніями, то повѣствованіемъ оныхъ сдѣлаешь намъ конечно немалое удовольствіе. Съ великою охотою, отвѣтствовалъ слѣпой; сіе для меня ничего не стоитъ. Тогда видя, что всѣ замолчали, началъ говорить такъ:

ВЕЧЕРЪ XVI.

Исторія о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Отецъ мой былъ въ Хиторѣ очень небогатый купецъ; а какъ онъ кромѣ меня никого болѣе не имѣлъ дѣтей, и не примѣчалъ во мнѣ ни

(*) Читатель можетъ здѣсь видѣть, сколь великое мнѣніе имѣютъ о Магометѣ повинующіеся его закону.

ни малѣйшей склонности къ купечеству, то совѣтовалъ мнѣ за такое ремесло взяться, посредствомъ котораго могъ бы я жить спокойно, естьли когда по нещастію лишусь небольщаго имѣнія, кое мнѣ послѣ него останется. Мы разсматривали разныя состоянія жизни, и разбирая всѣ ихъ подробно, положилъ наконецъ обучаться врачебной наукѣ. Ремесло сіе, сказалъ я моему отцу, весьма почтительно; выуча нѣсколько правилъ, зная болтать много, и имѣя великую смѣлость, можно легко сдѣлать свое щастіе. Естьли въ чемъ погрѣшаютъ, то покрывается сіе землею, и вмѣсто того, что одинъ человѣкъ, которой искусствомъ врача прекратилъ теченіе дней своихъ, побуждаетъ къ сожалѣнію, тысяча такихъ найдется, которыхъ наслѣдники съ радостію похороняютъ, и не только смертію ихъ ни мало не раздражаются, но еще всячески ту десницу прославляютъ, которая ихъ ввела въ гробницу. И такъ я началъ учиться врачеванію по обычаю восточныхъ народовъ, а именно, читалъ нѣкоторыя правила того врача, у коего я, такъ сказать, былъ ученикомъ; и какъ ни мало о томъ не помышлялъ, что къ тому надлежало имѣть много способности: то признаюсь, что къ сей наукѣ не употреблялъ я того прилѣжанія и вниманія, коихъ Разъ (*) и Галіенъ отъ

 тѣхъ

(*) Разъ уроженецъ изъ города Реи, будучи сперва хорошимъ Музыкусомъ, сдѣлался наконецъ славнымъ врачемъ своего вѣка. Галіенъ же, родомъ Пергомецъ, жилъ во время царствованія Марка Антонина Филодира; онъ былъ великій Философъ и совершенный врачъ.

тѣхъ требуютъ, которые ремесло сіе принять намѣрены; однако чуть только признанъ я былъ врачемъ, то вообразилъ себѣ, что почти никто не могъ въ наукѣ сей со мною сравняться. Превознося́сь малою своею способностію, поступалъ съ равными себѣ съ великою гордостію, а съ подчиненными съ неописаннымъ презрѣніемъ, такъ что они меня не могли терпѣть ни мало; въ разсужденіи же знатныхъ и мощныхъ людей былъ я весьма низокъ и почтителенъ.

Обладая толь изящными дарованіями, думалъ, что рожденъ я для того, чтобы при дворѣ въ великой быть знати; почему всячески старался сыскать себѣ тамъ защитника и покровителя. И какъ отецъ мой, будучи человѣкъ доброй и весьма не дальнаго ума, вѣрилъ всѣмъ похваламъ, которыя я самъ себѣ приписывалъ, и находилъ меня иногда при томъ очень скромнымъ: то легко согласился на мое предложеніе, чтобы сыну Мамгуда, любимца Хиторскаго Султана, подарить двѣсти золотыхъ, дабы чрезъ то могъ онъ рекомендовать меня своему родителю. Сей молодой человѣкъ, получая отъ меня неоднократно изъ сей суммы подарки, не преставалъ превозносить меня похвалами, говорилъ о мнѣ всякую минуту столь много въ мою пользу, и приписывалъ мнѣ выдуманныя имъ толь чудесныя врачеванія, что Мамгудъ, слыша безпрестанно отъ своего сына неописанныя похвалы Абулъ Асаму, (такъ я называюсь) возъимѣлъ любопытство меня видѣть. Молодой человѣкъ, къ которому я всякое утро ходилъ на поклонъ, объ-

явилъ

явилъ мнѣ сію вѣсть, которая въ несказанную привела меня радость. Онъ проводилъ меня въ кабинетъ къ Мамгуду, и я былъ столь щасливъ, что прельстилъ его своими разговорами, и ему показался. Съ сего времени не упускалъ я ни одного случая, которымъ думалъ еще болѣе привесть себя у него въ милость. Нечаянно вылечилъ я нѣкоторыхъ изъ его невольниковъ, за что сынъ его превозносилъ меня неизреченными похвалами, и Мамгудъ столь много меня полюбилъ, что по смерти Царскаго врача доставилъ мнѣ сіе мѣсто, хотя мнѣ еще не болѣе тритцати лѣтъ было. Признаюсь, что я, видя себя на толь высокой степени, не зналъ себѣ мѣры; всѣхъ почиталъ за ничто въ разсужденіи себя, и вмѣсто того, чтобы стараться пріобрѣсть при дворѣ друзей, поступалъ я съ такою гордостію, что не было ни одного человѣка, которой бы меня не ненавидѣлъ. Я то зналъ, но только лишь смѣялся. Любимецъ Султановъ меня любилъ чрезмѣрно, и самъ Государь оказывалъ мнѣ всегда великія милости, такъ что всѣ меня боялись; а гордость мою еще болѣе умножала подлость, естьли то сказать можно, съ которою почти всѣ придворные искали во мнѣ милости.

ВЕЧЕРЪ XVII.

Продолженіе исторіи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Будучи первымъ Медикомъ, имѣлъ я надзираніе надъ всѣми въ государствѣ находящимися врачами; ни одинъ изъ нихъ не умиралъ, чтобы

бы я не имѣлъ права разсматривать его записки; и естьли между оными находилось что любопытное, то по повелѣнію моему приносили оное въ Султанскую библіотеку. Въ одинъ день, будучи я у одного изъ моихъ собратій, которой отъ распутности умеръ, нашелъ между его письмами одно сочиненіе, кое еще недавно окончано было, и которое показалось мнѣ весьма хорошо, и надписано было на ономъ *о болѣзняхъ звѣрей и о лѣкарствахъ для нихъ.* Я развернулъ оное въ одномъ мѣстѣ, и читалъ толь странное и полезное, что твердое пріялъ намѣреніе славу сего сочиненія присвоить самому себѣ; я положилъ его къ себѣ въ карманъ, и не почелъ за нужное отослать его въ Султанскую библіотеку. Переписавъ оное, какъ возможно вѣрнѣе, бросилъ оригиналъ въ огонь; а переписанное представилъ Султану, объявляя, будто оное сочинено мною; и сей Государь, читая то съ великимъ удовольствіемъ, велѣлъ мнѣ за труды выдать десять тысячь золотыхъ. Толь великое награжденіе возбудило во всѣхъ желаніе видѣть сіе дорого заплаченное сочиненіе. Въ разсужденіи чего велѣлъ я списать множество копій, и продавать ихъ весьма дорого. Наконецъ приписываемыя мнѣ за оное похвалы такъ духъ мой возгордили, что мнѣ казалось, будто я и до земли не дотрогиваюсь; но сколь краткое время продолжалась моя пышность и знатность! Я думалъ, что по Мамгудѣ никто кромѣ меня не имѣетъ права пользоваться милостію Султанскою; однако вскорѣ получилъ себѣ опаснаго соперника, которой напослѣдокъ былъ причиною моей погибели; и вы

не можете отгадать, кто онъ таковъ былъ? Султанская любовница, которой ты можетъ быть по нещастію не понравился, сказалъ тогда Альбаертъ. Никакъ! отвѣтствовалъ Абулъ-Асамъ; напротивъ того обезьяна. Обезьяна! вскричали Султанши. Да, милостивыя государыни! продолжалъ онъ; но прежде, нежели увѣдомлю васъ, какимъ образомъ пришелъ я въ немилость, разскажу вамъ исторію о семъ звѣрѣ. Она принадлежала одному художнику, который жилъ въ концѣ Хиторскаго предмѣстія, и была у него, такъ сказать, вмѣсто слуги. Сей человѣкъ не имѣлъ ни жены, ни дѣтей; и какъ въ томъ мѣстѣ великое множество хищныхъ птицъ водилось, а притомъ трубы были весьма широкія и низкія, то онѣ чрезъ оныя влетали въ жилье, и уносили все то, что имъ пищею служитъ. Въ разсужденіи чего хозяинъ обезьяны, когда ходилъ со двора, сажалъ ее подлѣ огня для того, чтобы она кушанье стерегла отъ птицъ. Однимъ днемъ человѣкъ сей, положа въ горшокъ хорошую часть баранины и пшена, пошелъ въ городъ, гдѣ пробылъ онъ долѣе, нежели думалъ; похлебка его весьма переварилась, и какъ огонь уже погасъ, то ястребъ, который вверьху надъ трубою сидѣлъ, влетѣлъ въ избу въ то время, какъ обезьяна, уставъ карaулить, заснула, и опрокинувъ горшокъ, унесъ мясо, которое уже почти совсѣмъ простыло. Обезьяна, проснувшись отъ сего стука, пришла въ отчаяніе, что такъ проглядѣла, и разсуждая въ себѣ, какъ жестоко поступитъ съ нею ея хозяинъ, старалась избѣгнуть отъ того такою хитро-

хитростію, которой бы и весьма трудно было повѣрить, ежели бы то не въ самомъ дѣлѣ случилось. Для сего, взирая съ печалію вверьхъ, и увидя еще множество ястребовъ, ищущихъ новой добычи, поставила она горшокъ въ печь, въ которой уже огня не было, и сама стала въ него, поднявъ плоскія свои заднія части вверьхъ, въ томъ мнѣніи, что которая нибудь изъ сихъ птицъ почтетъ то за кусокъ мяса. И въ самомъ дѣлѣ одинъ ястребъ, обманувшись наружностію, спустился на горшокъ, въ которое время обезьяна такъ проворно увернулась, что его поймала, завернула ему шею, и ощипавъ съ него перья, положила его въ горшокъ вмѣсто унесеннаго у ней мяса. Художникъ, возвратясь изъ города, и нашедъ въ горшкѣ вмѣсто своего кушанья птицу, смотрѣлъ на обезьяну гнѣвнымъ лицомъ; но она, разъ шесть перекувырнувшись, вынула ястреба изъ горшка; разтолковавъ господину нѣмыми своими примѣрами, какимъ образомъ унесла у ней мясо одна птица, стала въ горшокъ, и ухватками своими показывала, какъ поймала она ястреба. Хозяинъ ея, видя столь смѣшное приключеніе обезьяны, началъ хохотать, такъ что многіе изъ сосѣдей къ нему сбѣжались; и какъ сіе произшествіе разнеслось по всему Хитору, то скоро дошло и до Султана, который весьма любопытствовалъ толь умную обезьяну видѣть. Въ разсужденіи чего художникъ ее къ нему принесъ, и заставилъ ее дѣлать разныя чудныя и смѣшныя дѣла, и повороты; и она такъ Султану понравилась, что заплатилъ за нее хозяину столько, сколько онъ

потребовалъ. Наконецъ Султанъ полюбилъ ее чрезмѣрно и безъ нее не могъ пробыть ни минуты; и естьли кто хотѣлъ пользоваться милостію Султанскою, то необходимо должно было имѣть къ его обезьянѣ почти столько же почтенія, сколько и къ нему самому. Какая слабость! говорилъ я самъ въ себѣ. Какъ! для сохраненія себя въ милости у Государя долженъ я ходить на поклонъ къ обезьянѣ? Нѣтъ! столь много не хочу унижаться; но разсмотря по томъ, сколь великое желаніе имѣлъ я быть въ знатности и почтеніи, и видя, какъ и другія придворныя знатныя особы въ разсужденіи ея поступали: изрядно, говорилъ я, стану обожать сего идола, и оказывать ей столько же почтенія, сколько какой разумной твари. И такъ, положа сіе намѣреніе, не было ничего такого, чего бы я для нее не дѣлалъ; и хотя въ самомъ дѣлѣ не любилъ ее ни мало, однако осыпалъ ее моими ласками; но казалось, будто проклятая сія обезьяна знала, что во внутренности моего сердца я ее ненавидѣлъ. Сколь ни много дружества ей оказывалъ, однако не могъ притти у ней въ любовь. Напротивъ того употребляла въ разсужденіи меня всякія плутовства, щелкала меня по носу, драла за уши, щипала у меня бороду, и всякую минуту сбрасывала съ меня чалму, что Султана такъ много веселило, что онъ иногда до слезъ смѣялся. Естьли бы все сіе происходило въ тайнѣ, то бы сносилъ я оное съ большимъ терпѣніемъ; но почти всегда бывало то и въ публичныхъ собраніяхъ, и она только ко мнѣ одному приставала, что возбудило во мнѣ къ ней наи-

наивеличайшую ненависть, которую однако же показывать я никогда не осмѣливался, и производимыя ею надо мною шутки при всемъ дворѣ терзали меня наичувствительнѣйшимъ образомъ.

Такіе поступки сносилъ я уже болѣе года; какъ Султанъ, возвратясь нѣкогда съ охоты, на которую и обезьяну всегда биралъ съ собою, и на коей пробылъ онъ нѣсколько дней сряду, увидѣлъ, что пришелъ къ ней пресильной кровавой поносъ. Смущенный Султанъ собралъ тотчасъ всѣхъ своихъ Медиковъ для совѣтованія о ея болѣзни; но они, раздражась, что ихъ для такого дѣла призвали, и пользуясь симъ случаемъ для изъявленія ко мнѣ своей давно скрачимой ненависти: милостивый Государь! сказалъ одинъ изъ нихъ, знаніе наше простирается единственно до изысканія лѣкарствъ отъ человѣческихъ болѣзней и припадковъ. Абулъ-Асамъ же, преимуществуя предъ всѣми нами, къ познаніямъ симъ присоединилъ и уврачеванія звѣрей. Сочиненіе его, представленное имъ Вашему Величеству, доказываетъ то довольно; и такъ онъ только одинъ можетъ подать вспомоществованіе обезьянѣ, которую вы, милостивый Государь! съ толикою справедливостію любите; потому что многіе изъ подданныхъ вашихъ не имѣютъ толико ума, какъ она.

Я позналъ все коварство словъ сихъ; и сіе тронуло меня тѣмъ чувствительнѣе, что за нѣсколько дней предъ симъ приключеніемъ въ одномъ собраніи ученыхъ говорили, что сочиненіе

о звѣряхъ не мною сдѣлано, что по видимому взялъ оное послѣ смерти кого нибудь изъ моихъ собратій; и еще сыскался тамъ и такой человѣкъ, который увѣрялъ, что онъ нѣсколько отдѣленій сей книги видѣлъ, и читалъ года два тому назадъ у того Медика, у коего я взялъ оное.

Султанъ, который о сей книгѣ почти совсѣмъ позабылъ, весьма обрадовался, слыша такое объявленіе. Абулъ-Асамъ! говорилъ онъ мнѣ: я позабылъ, что ты только одинъ въ состояніи вылечить мою обезьяну; употреби же на то все свое стараніе. Естьли хочешь сохранить себя на той степени, на которую возведенъ ты мною, то покажи при семъ случаѣ все свое искусство и доброту лѣкарствъ, кои ты въ книгѣ своей толь много похваляешь. По томъ, не дождавшись отъ меня отвѣта, отпустилъ всѣхъ Медиковъ, и проводя меня въ ту комнату, гдѣ звѣрь сей находился, велѣлъ мнѣ дать невольниковъ для прислуженія и для исполненія во всякой скорости всего того, что я ни повелю.

ВЕЧЕРЪ XVIII.

Продолженіе исторіи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Никто не находился никогда въ такомъ замѣшательствѣ, какъ я. Какъ сочиненіе о звѣриныхъ болѣзняхъ я только списалъ, а прочесть онаго ни мало не удостоилъ, то и не могъ знать, гдѣ найти лѣкарствъ, пригодныхъ для обезьяны. Я пробѣжалъ оное отъ одного конца до другаго; но

но не нашедъ въ ономъ ничего такого, что бы желаніе мое могло удовольствовать, вознамѣрился поступать съ сею обезьяною, какъ съ маленькимъ робенкомъ. И такъ далъ ей надлежащихъ по тому лѣкарствъ; однако оныя не только болѣзни ея не умалили, но еще болѣе усилили, и къ несносной для меня тогда печали она на третій день умерла; о чемъ Султанъ увѣдавъ, такъ на меня раздражился, что запретилъ мнѣ къ себѣ ходить. Пронзенъ будучи жесточайшею скорбію, дѣлалъ одно другаго въ жестокости превозходящія разсужденія. Хотя уже въ сіе время, вскричалъ я, отдамъ себѣ должное. Какія достоинства имѣлъ я, чтобы на толь высокую степень быть возвышену, и взошедъ на оную, съ толикою гордостію превозноситься знатностію моею? Султанскою ко мнѣ любовію и милостію долженъ я единственно Мамгуду, а не моимъ достоинствамъ; но потому и надлежало мнѣ всего того лишиться для толь малой причины, какова смерть обезьяны. Между тѣмъ, какъ я такимъ образомъ разсуждалъ, возставала на меня другая буря, гораздо опаснѣйшая первой. Непріятели мои внушили Султану, что я обезьяну окормилъ ядомъ для отмщенія ей за производимыя ею надо мною всегда насмѣшки, и что то легко узнать можно. Султанъ, послушавъ ихъ, приказалъ обезьяну анатомить, и Медики нашли въ ней, такъ какъ то они говорили, явные знаки яда; въ разсужденіи чего послали меня взять подъ караулъ, и заключа въ оковы, бросили меня въ преужасную темницу. Признаюсь, что

тогда

тогда вся моя твердость меня оставила; я не могъ взирать безъ ужаса на гнѣвъ Султанской и на смерть, къ которой, какъ-то я видѣлъ, меня пріуготовляли; отъ темничнаго стража получилъ я только позволеніе отписать къ Султану, и послалъ къ нему письмо въ толь жалостныхъ выраженіяхъ, которыя бы и самое жесточайшее сердце смягчили; увѣрялъ его о моей невинности, и представлялъ, что обезьяна, будучи съ нимъ на охотѣ, и прыгая по деревьямъ, съѣла можетъ быть какой ядовитый плодъ, естьли только она въ самомъ дѣлѣ отъ сей болѣзни умерла. Письмо мое не имѣло никакого дѣйствія; все имѣніе мое было описано, и мнѣ приговорили отсѣчь голову.

Отецъ мой, уѣдавъ о семъ моемъ заточеніи, пошелъ броситься къ ногамъ Султана; но не могъ отъ него ничего получить, и жестокосердіе сего Государя столь чувствительно его пронзило, что, возвратясь домой, съ печали умеръ. Сіе извѣстіе и темничнымъ стражемъ объявленіе моего приговора лишили меня чувствъ; и только тогда позналъ я, сколь нужно, когда въ знатности находишься, имѣть у себя друзей и одолженныхъ людей; только одинъ мой отецъ старался о мнѣ у Султана, всѣ же похваляли несправедливость, кою Государь сей въ разсужденіи меня дѣлалъ. Легко можно себѣ представить, какимъ образомъ препроводилъ я ночь на тотъ день, въ который мнѣ съ жизнію разстаться надлежало. Я находился въ жесточайшемъ смущеніи, какъ вдругъ услышалъ, что двери темницы моей растворились, и увидѣлъ

предъ собою лѣтъ въ семнатцать, но не краснаго лица женщину. Я дочь темничнаго стража, сказала она мнѣ; я чувствую къ тебѣ пресильную любовь, и естьли хочешь на мнѣ жениться, то получишь свободу. Сколь ни безобразна была сія дѣвица, однако я ни мало не мѣшкалъ обѣщать ей то подъ сильнѣйшими клятвами; и такъ вышелъ съ нею изъ моей тюрьмы, и пользуясь любовію нареченной моей супруги, которая принесла съ собою мужское платье и двѣсти золотыхъ, вышли мы изъ города, и шедъ ночью и днемъ пѣшкомъ, а по томъ, купя лошадей, доѣхали до Голгонды (*).

Я началъ, такъ сказать, дышать паки, увидя себя внѣ областей Хиторскаго Султана; но съ сего времени началъ я и на жену свою взирать съ нѣкоторымъ родомъ отвращенія; она скоро примѣтила, съ какимъ омерзѣніемъ пріемлю ея ко мнѣ ласки, и не ожидая отъ меня такого поступка, въ разсужденіи показанной мнѣ ей услуги и очевидной опасности, въ которую она побѣгомъ нашимъ отца своего ввергла, пришла отъ того въ толь сильную печаль и тоску, что занемогла весьма опасно; и учиня мнѣ наижесточайшія укоризны, умерла отъ отчаянія, которое бы кромѣ меня всякаго человѣка тронуло.

Сколь

(*) Голгонда, большой и прекрасный городъ, и мѣсто пребыванія Султана Голгондскаго, которое государство лежитъ между землями Великаго Могола, между Деканскимъ и Биснагарскимъ государствомъ, славенъ алмазными и другихъ дорогихъ каменьевъ рудами.

Сколь ни много былЪ я ей обязанЪ, однако печаль моя о ея смерти очень скоро миновалась, и тогда узналЪ, сколь легко можно утѢшиться, лишившись дурной и нелюбимой жены.

ПослѢ нее осталось у меня только сто золотыхЪ; я не зналЪ, что со мною будетЪ, когда они изойдутЪ; ибо уже ни мало не имѢлЪ охоты взяться опять за то же ремесло, которое меня вЪ толикую ввело опасность, какЪ судьба подала мнѢ весьма странный случай сдѢлаться Голгондскому Султану извѢстнымЪ. Сей Государь по обыкновенію своему ѢжалЪ часто сЪ женами своими прогуливаться; нѢкогда разослалЪ онЪ объявить о своемЪ шествіи по всѢмЪ тѢмЪ деревнямЪ, чрезЪ которыя онЪ хотѢлЪ Ѣхать, вЪ разсужденіи чего всѢ отЪ пути того удалились, и вЪ домахЪ остались только однѢ женщины; мущины же, опасаясь вЪ разсужденіи тамошнихЪ законовЪ лишиться жизни, удалились на милю, какЪ я по нещастію попался скороходамЪ СултанскимЪ; ибо я о семЪ шествіи не вѢдая, прошедЪ нѢсколько верстЪ пѢшкомЪ, легЪ спать на своемЪ коврѢ, которой всегда носилЪ сЪ собою, какЪ вдругЪ почувствовалЪ, что меня вЪ коверЪ завертываютЪ. Я тотчасЪ проснулся, и вскорѢ вырвался изЪ рукЪ; и видя, что меня хотятЪ закопать живаго вЪ землю, и зная, что то вЪ такихЪ случаяхЪ нерѢдко бывало, вознамѢрился защищать жизнь мою до послѢдней капли крови; выдернулЪ саблю, и напалЪ на тѢхЪ трехЪ человѢкЪ, которые меня жизни лишить хотѢли; уже одного изЪ нихЪ убилЪ до смерти,

а другаго весьма опасно ранилЪ, какЪ СултанЪ вЪ провожанiи своихЪ женЪ подъѣхалЪ кЪ тому мѣсту, гдѣ мы дрались; и мнѣ не можно было избѣгнуть отЪ смерти иначе, какЪ только усугубленiемЪ храбрости и какою нибудь хитростiю; вЪ разсужденiи чего отрубилЪ однимЪ махомЪ голову у раненаго, а у третьяго отсѣкЪ руку, притомЪ вознамѣрился притвориться безумнымЪ (*), зная, что симЪ только средствомЪ могЪ возпрепятствовать Султану, чтобы онЪ не велѣлЪ изрубить меня на части. Послѣдуя сему, началЪ я плясать изЪ всей силы и пѣть во все горло одержанную мною побѣду. Правда, что стихи мои были весьма безпорядочны; однако, когда бы я и хорошiй былЪ стихотворецЪ, тогдашнее мое состоянiе не дозволило бы мнѣ сдѣлать лучше оныхЪ; и сiе-то самое побудило Султана думать, что я вЪ самомЪ дѣлѣ былЪ безЪ ума. И такЪ вмѣсто того, чтобы велѣть лишить меня жизни, приказалЪ онЪ мнѣ кЪ себѣ подойти, и спрашивалЪ меня, кто я таковЪ. Ты зришь предЪ собою, сказалЪ я ему, Мушманскаго Царя, славнаго Дамбака (**), который стражами гробницы Султана Адама повелѣваетЪ; тѣло его лежитЪ здѣсь ковромЪ симЪ покрыто, и я порубилЪ теперь сихЪ трехЪ злыхЪ духовЪ, кои хотѣли у меня унести оное.

Сул-

(*) Безумные на востокѣ почитаются за святыхЪ.

(**) ДамбакЪ царствовалЪ вЪ басенное время у восточныхЪ народовЪ прежде сотворенiя Адама; МушманЪ же есть одинЪ изЪ острововЪ Мальдивскихъ.

Султанъ Голгондскій не могъ отъ смѣха удержаться; и будучи точно увѣренъ, что я въ разумѣ совсѣмъ помѣшался, хотѣлъ мною повеселиться. Великій Герой! сказалъ онъ мнѣ, поздравляю тебя съ полученною тобой толь славною побѣдою, и я не думаю, чтобы впредь сыскались еще какіе дивы (злые духи,) которые бы на тебя напасть дерзнули, когда ты уже и начальниковъ ихъ порубилъ. Поди же со мною, насладись заслуженнымъ тобою покоемъ, а попеченіе стеречь у гробницы Султана Адама оставь своимъ подданнымъ. При моемъ же дворѣ будутъ тебѣ воздавать всякую великому Государю должную честь. Я такъ обрадовался, видя, что хитрость моя толь хорошій успѣхъ имѣла, что началъ дѣлать всякія дурачества, дабы Государя сего подтвердить еще болѣе въ заключенномъ его о мнѣ мнѣніи; и онъ ими такъ доволенъ быть казался, что, приказавъ посадить меня на лошадь, просилъ меня, чтобъ я за нимъ ѣхалъ, повеля притомъ своимъ евнухамъ смотрѣть за мною прилѣжнѣе. Какъ жизнь моя единственно отъ того зависѣла, чтобы роль свою сыграть какъ возможно лучше: то вы легко можете разсудить, сколь много старался я убѣдить Султана, что у меня умъ совсѣмъ былъ помѣшанъ. Я не притворялся быть дуракомъ въ одномъ только родѣ; но думалъ, что легко для меня будетъ представлять разныя дураковъ лицы, въ разсужденіи чего въ самыхъ сумазбродныхъ разговорахъ употреблялъ иногда весьма ученыя рѣчи, такъ что Султанъ почиталъ меня самымъ веселымъ и забавнымъ дура-

 комъ,

комЪ, каковаго онЪ еще во всю свою жизнь не видывалЪ.

Никогда не чувствовалЪ я столько удовольствія, какЪ вЪ семЪ состояніи. СултанЪ, почитая меня за совершеннаго дурака, бралЪ меня сЪ собою всюды, и былЪ предо мною не скрытенЪ: нерѣдко разговаривалЪ онЪ при мнѣ сЪ своими Визирями о самыхЪ важныхЪ дѣлахЪ государственныхЪ. ВЪ одинЪ день, дѣлая во внутреннихЪ своихЪ покояхЪ балЪ для старшей любимой своей Султанши, думалЪ, что оный совершеннымЪ быть не можетЪ, когда при томЪ меня не будетЪ; и хотя при таковыхЪ случаяхЪ никакой мущина находиться не долженЪ, однако вЪ разсужденіи того, что безумные бываютЪ обыкновенно вЪ великомЪ почтеніи, не думалЪ онЪ ни мало погрѣшить противЪ сего обычая, когда прикажетЪ и меня туда привести. Признаюсь, милостивыя государыни! что я помрачился, видя толико великолѣпія. СултанЪ, убранный самыми драгоцѣнными каменьями, сидѣлЪ на золотомЪ престолѣ подлѣ старшей своей Султанши; позади у него стояли двенатцать маленькихЪ евнуховЪ весьма прекраснаго лица; они походили болѣе на мраморныхЪ статуй, потому что стояли неподвижны, держа руки на брюхѣ, голову прямо, и устремя глаза свои; за ними подаль стояли тритцать большихЪ черныхЪ евнуховЪ сЪ обнаженными золотомЪ и каменьями убранными саблями; по правую у него сторону стоялЪ первый его спальникЪ, у котораго кЪ опоясью привязанЪ былЪ ларчикЪ, наполненный платками и всякими благо-

благовоніями, кои подавалЪ Султану при малѣйшемЪ знакѣ; по лѣвую же сторону, выключая его попечителя о всякихЪ увеселеніяхЪ, стояли всѣ тѣ дѣвицы, которыя вЪ сералѣ отправляли тѣ же должности, кои на СултанскихЪ чиновныхЪ особЪ налагаются, и каждая изЪ нихЪ отличалась по чину своему особливымЪ знакомЪ; а прочія Султанши сидѣли у Голгондскаго Султана вЪ ногахЪ, на пребогатыхЪ золотыхЪ тканныхЪ коврахЪ.

КакЪ скоро попечитель о увевеленіяхЪ далЪ знакЪ, то загремѣла музыка, и танцовщицы начали прыгать; послѣ чего подали великолѣпнѣйшій столЪ, и кушанье поставлено было вЪ превеликихЪ фарфоровыхЪ и золотыхЪ сосудахЪ; по окончаніи же онаго подносили шербетЪ, и танцованіе началось паки, при чемЪ назначенныя кЪ тому дѣвицы представляли пляскою и пѣніемЪ всѣ тѣ страсти, кои любовь внушаетЪ; а притомЪ сЪ такою пріятностію и сходностію, что СултанЪ вЪ знакЪ своего благоволенія далЪ надзирательницѣ ихЪ три тысячи золотыхЪ.

БалЪ сей приходилЪ уже кЪ окончанію, какЪ старшая Султанша, наклонясь кЪ Султану, говорила сЪ нимЪ нѣсколько минутЪ весьма тихо. Послѣ чего, взглянувЪ на одну молодую невольницу, которая возлѣ Султанши стояла, и которая, какЪ-то онЪ зналЪ, весьма веселаго была нрава, приказалЪ ей ко мнѣ приставать; вЪ разсужденіи чего дѣвица сія сошла сЪ своего мѣста, и подошедЪ ко мнѣ, взяла меня за руку. КакЪ я всѣ движенія Султанскія примѣчалЪ наи-

 при-

приятнѣйше, то легко познал о его намѣреніи, и потому старался всячески его увеселить, что для меня и весьма не трудно было, а особливо и дѣвица сія показалась мнѣ такою красавицею, что я въ нее въ ту же минуту влюбился. Никакъ не возможно пересказать вамъ все то, что я говорилъ съ нею: довольно, что шутка сія доведена была до того, что Султанъ, желая полнымъ насладиться удовольствіемъ, вознамѣрился насъ тутъ же соединить бракомъ.

ВЕЧЕРЪ XIX.

Продолженіе исторіи о Абуль-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Я воображалъ себѣ, продолжалъ слѣпой, что сія дѣвица, которую Султанъ опредѣлялъ мнѣ женою, будетъ тому конечно сопротивляться, видя какого состоянія я былъ. Но житье въ сералѣ весьма скучно и чрезмѣрно строго для подобныхъ ей; въ разсужденіи чего она безъ всякаго прекословія приняла предложеніе Султанши, чтобы за меня выйти за мужъ. Радость мою о семъ союзѣ изъявлялъ я разными смѣшными и забавными дурачествами, и Султанъ по окончаніи бала приказалъ насъ отвесть въ наружное строеніе сераля, и призвать Имана, который насъ и женилъ; послѣ чего и съ Султаншею проводилъ насъ въ ту комнату, въ которой для насъ была хорошая постель приготовлена.

Сколь ни великую страсть чувствовалъ я къ своей женѣ, и сколь ни много надлежало мнѣ имѣть старанія показать ей мою благодарность,

ность, однако почелъ за должность сдѣлать Султану еще новое увеселеніе. Для сего вскочилъ я благимъ матомъ съ постели, отперъ двери, и бѣжалъ въ одной рубашкѣ съ такою скоростію, что все мнѣ попадающееся ронялъ. Султанъ, увѣдавъ тотчасъ о новомъ семъ дурачествѣ, велѣлъ меня остановить и привесть къ себѣ. Царь Мушманской! сказалъ онъ мнѣ, чего ты такъ испугался? Можетъ ли это статься, чтобы толь великій Герой въ свѣтѣ бѣжалъ отъ простой дѣвицы? Милостивый Государь! сказалъ я тогда Султану, и ты бы также испужался, естьли бы на моемъ былъ мѣстѣ: давъ мнѣ жену, обѣщалъ ты мнѣ доставить всякое удовольствіе; но я очень въ надеждѣ сей обманулся; я еще почти не успѣлъ лечь съ моею женою, какъ подъ одѣяломъ услышалъ необычайный шумъ; я сталъ слушать, и мнѣ послышалось у ней въ брюхѣ множество звонкихъ голосовъ: одинъ просилъ рубашку, другой чалму, кафтанъ и туфли, третій хлѣба, пшена и мяса; а всего несноснѣе показалось мнѣ сіе, что они, говоря такимъ образомъ, дрались между собою, такъ что испугавшись отъ ихъ крику, ушелъ я отъ нее, опасаяся, чтобы не сдѣлался отцемъ многочисленной семьи, которая уже нужды свои изъявляла, коихъ исправить мнѣ никакъ будетъ не возможно.

Султанъ захохоталъ, слыша отъ меня такой отвѣтъ. Въ семъ случаѣ онъ не такъ глупъ, какъ про него думаютъ, сказалъ онъ тогда; сколько такихъ людей, которые, слѣдуя только слѣпой своей страсти, женятся, не разсуждая ни

 мало,

мало, какія отъ того слѣдствія произойти могутъ, и ввергаютъ дѣтей своихъ въ бѣдность и самое нещасшное состояніе! Для отвращенія страховъ сего любовника хочу я опредѣлить ему и его семьѣ двѣ тысячи на всякой годъ. Поди, другъ мой! продолжалъ онъ, возвратись къ своей супругѣ; не обезпокоивайся ни мало, что съ дѣтьми твоими будетъ; я онихъ стану стараться такъ какъ о своихъ собственныхъ, и напередъ тебѣ обѣщаю, что они ни въ чемъ не будутъ имѣть недостатка. Тогда началъ я приносить толь великое множество смѣшныхъ благодареній, что Султанъ тѣмъ весьма много веселился, и снявъ у себя съ руки весьма драгоцѣнный перстень, отнеси сей подарокъ своей женѣ, сказалъ мнѣ; сіе есть начало приданаго, которое я ей дать намѣренъ.

Вы можете легко познать, что я съ радостію пошелъ къ своей супругѣ; разсказалъ ей съ великимъ удовольствіемъ о всемъ со мною случившемся; и какъ она была не глупа, то поняла скоро, что умъ у меня не такъ помѣшанъ, какъ я предъ Голгондскимъ владѣтелемъ притворился. Любезный супругъ! сказала она мнѣ, меня обнимая, я была тогда въ Султанской свитѣ, какъ ты намъ показался, и съ той еще минуты почувствовала къ тебѣ пресильную склонность; не думай, чтобы я въ разсужденіи тебя была столь же легковѣрна, какъ Султанъ. Когда кого любишь, то предметы своей горячности разсматриваешь лучшими очами, нежели посторонніе люди. Я догадалась, что ты безумцемъ

при-

притворился единственно только для того, чтобы избѣгнуть отъ предстоящей смерти, естьли бы не употребилъ сего средства. Султанша вступилась за тебя по моей прозьбѣ, и открояcь ей напослѣдокъ въ моей къ тебѣ страсти, получила отъ нее обѣщанiе, чтобы уговорить Султана сочетать насъ бракомъ.

Рѣчь сiя, продолжалъ Абулъ-Асамъ, привела меня въ такое удивленiе, что нѣсколько времени не могъ я ей ничего отвѣтствовать, и сiе мое молчанiе подтвердило ее еще болѣе въ ея о мнѣ мысляхъ; въ разсужденiи чего почелъ за должность открыть ей самую истинну. Прельщаясь другъ другомъ, провождали дни въ великомъ благополучiи, не стараясь притомъ вывесть Султана изъ заблужденiя, что я въ умѣ помѣшанъ. Чувствовалъ безмѣрное удовольствiе отъ представленiя мною разныхъ лицъ, и естьли примѣчалъ, что другiе глупостямъ моимъ смѣялись, но внутренно смѣялся тѣмъ дурачествамъ, которые видалъ повседневно, и кои по большой части подавали мнѣ случай въ новыхъ утѣхахъ и увеселенiямъ для Султана, поступая притомъ такимъ образомъ, чтобы не навлечь на себя непрiятелей, какъ-то случилось со мною въ то время, какъ я въ Хиторѣ былъ первымъ Медикомъ; и еще напротивъ того всячески старался увеселять всѣхъ, и я разскажу вамъ о одномъ сдѣланномъ мною дурачествѣ, чрезъ которое получилъ весьма хорошiй подарокъ. У Султана, который весьма часто ѣжжалъ на птичью охоту, былъ бѣлый соколъ, коего онъ чрезмѣрно

но любилъ. Нѣкогда хотя спустить у себя съ руки сію любимую свою птицу, увидѣлъ онъ, что она очень больна. Менулонъ! сказалъ онъ тогда съ великимъ гнѣвомъ главному сокольничьему, ты знаешь, сколь много люблю я сего сокола; однако я увѣренъ, что онъ въ такомъ состояніи находится единственно отъ того, что за нимъ весьма худой присмотръ былъ. Остерегайся, чтобы съ нимъ чего не возпослѣдовало; я напередъ тебѣ говорю, что естьли кто мнѣ скажетъ, что онъ умеръ, то я велю тому отрубить голову. Сокольничей въ великую пришелъ печаль, слыша таковыя угрозы; и хотя онъ всѣ свои прилагалъ силы къ спасенію сего сокола, однако ничто не помогло, и онъ, спустя по томъ недѣлю, умеръ, отъ чего Менулонъ въ прежесточайшую впалъ печаль. Какъ я жилъ напротивъ его двора, то услыша крикъ его служителей, побѣжалъ къ нему, и состояніе ихъ господина такъ чувствительно меня тронуло, что вознамѣрился употребить всѣ свои силы, чтобы его отъ предстоящей ему опасности избавить, будучи принужденъ объявлять ежедневно самъ Султану при окончаніи обѣда о состояніи его птицъ. Успокойся, Менулонъ, сказалъ я ему, положись на меня; естьли Султанъ велитъ кого умертвить, то конечно уже не тебя. Я тотчасъ побѣжалъ во дворецъ; Султанъ садился тогда за столъ, и казался быть весьма веселъ. Откуда ты, Мушманской Царь! пришелъ, сказалъ онъ мнѣ, что ты такъ смущеннымъ кажешься? Ахъ, милостивый Государь! сказалъ я ему, я имѣю разсказать тебѣ весьма стран-

странное приключеніе; я пришелъ сюда изъ сокольни, гдѣ засталъ Менулоца съ метлою, который вычищалъ шага въ три четвероугольное мѣсто предъ золотою рѣшеткою; по томъ намочилъ оное душистою водою, и разстеля тамъ шелковой золотомъ шитой коверъ, усѣялъ его благовоннѣйшими цвѣтами. Послѣ чего принесъ онъ бѣлаго твоего сокола, и обливаясь слезами, положилъ на спину. Соколъ лежалъ на коврѣ, разпустя крылья, носъ вверьхъ, ноги сжавъ и глаза замкнуты. Султанъ, услыша сіе, прервалъ вдругъ рѣчь мою. Ахъ! сказалъ онъ, мой бѣлой соколъ умеръ.

Ваше Величество сказали правду, вскричалъ я тогда; но только не вели отрубить ему головы. Султанъ удивился сперва моему отвѣту; но вспомня, какимъ образомъ грозилъ онъ Менулону, не могъ отъ смѣха удержаться. Поди къ сокольничьему, сказалъ онъ мнѣ, увѣрь его, что я точно знаю, сколь много онъ старался о сохраненіи моего сокола, и что смерть его не можетъ сдѣлать его нещастливымъ. Я побѣжалъ объявить Менулону толь радостную вѣсть, и разсказалъ ему, какимъ образомъ я поступилъ для спасенія его отъ погибели. Онъ обнялъ меня съ сердцемъ, наполненнымъ благодарностію, и далъ мнѣ кошелекъ съ деньгами, въ которомъ было тысяча золотыхъ.

Поступая такимъ образомъ, и имѣя такую жену, которая меня весьма много любила, ничего кажется не доставало къ моему благополучію, и я думалъ, что оно продолжится вѣчно, какъ

по

по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ кончилосв оно вдругъ кончиною Султана, который, будучи на охотѣ, упалъ съ лошади, и такъ опасно ушибся, что въ скоромъ времени умеръ, не остава по себѣ наслѣдника мужеска пола.

Произшедшее несогласіе во всемъ государствѣ не дозволяло мнѣ надѣяться, чтобы тотъ, который престолъ приметъ, былъ ко мнѣ столь же милостивъ; въ разсужденіи чего предложилъ я своей женѣ отъ двора удалиться, на что она тѣмъ съ большею охотою согласилась, что новый Султанъ далъ мнѣ знать вскорѣ, что я для него не надобенъ. И такъ мы удалились въ одинъ небольшой домикъ въ Голгондскомъ предмѣстіи, и убравъ его порядочно и попокойнѣе, жили въ немъ довольно весело, какъ жена моя обрюхатѣла: вѣдомость сія причинила мнѣ не малую радость; но я не съ тѣмъ былъ рожденъ, чтобы долго жить въ щастіи: она, родя толстаго мертваго робенка, умерла вскорѣ.

Имѣя столь много причины хвалиться своею супругою, и видя отъ нее толико знаковъ ея ко мнѣ любви, любилъ я ее съ такою горячностію, что смерть ея чуть было не лишила меня въ самомъ дѣлѣ ума.

ВЕЧЕРЪ XX.

Продолженіе исторіи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Погруженъ будучи въ горчайшую печаль, предался единственно самому себѣ; почти цѣлую недѣлю не ѣлъ, ни пилъ, не хотя никакого имѣть

ут-

утѣшенія. Подлѣ меня въ сосѣдствѣ жила одна старуха, которая женѣ моей во время ея родинъ всевозможное дѣлала вспоможеніе; тронувшись моимъ нещастіемъ, не хотѣла она и меня покинуть, и представленіями своими произвела во мнѣ, что я согласился не умерщвлять самаго себя, какъ-то сперва положилъ намѣреніе. У ней былъ сынъ лѣтъ въ тринатцать, который, также послѣдуя своей матери, показывалъ мнѣ столько знаковъ искренняго дружества, что я почелъ за долгъ возблагодарить ему за оное. Болѣе полугода жили мы неразлучно; и какъ время утолило скорбь мою, и истребило у меня изъ мыслей мое нещастіе, то я старался только подражать моему другу, то есть, большую часть дня и ночи препровождать за столомъ въ пьянствѣ, или въ игрѣ съ женщинами, въ коихъ въ Голгондѣ нѣтъ недостатка. Ведя такую жизнь, увидѣлъ я вскорѣ, что у меня наличныхъ денегъ не стало, также и дорогихъ каменьевъ. Я полагался по крайней мѣрѣ на тѣ двѣ тысячи золотыхъ, которыхъ я изъ Султановой казны требовать имѣлъ право; но я не зналъ, что владѣющій Государь уничтожилъ всѣ опредѣленные предкомъ его для бѣдныхъ денежныя даянія; и такъ, видя себя принужденнымъ продавать и домашніе свои уборы, вскорѣ пришелъ я въ крайнюю бѣдность. Сынъ той старухи помогалъ мнѣ нѣсколько времени по возможности; но видя, что я небогатой его матери былъ въ тягость, вознамѣрился сдѣлаться Календеромъ, и вскорѣ надѣлъ на себя такое платье. Не подумайте, чтобы тѣмъ сдѣлался я лучше; напротивъ

того

того симЪ способомЪ старался всячески избавиться отЪ бѣдности. Я подговорилЪ сЪ собою и своего товарища, и мы бродили изЪ одного города вЪ другой, питаясь всегда на щетЪ добрыхЪ людей, или лучше сказать, простаковЪ. ВЪ одинЪ день сидѣли мы у одного изЪ такихЪ набожныхЪ МузульмановЪ, какЪ невольникЪ обЪявилЪ ему, что пришло кЪ нему нѣсколько ПерсіянЪ, которые столь чрезвычайныя дѣла производили, какЪ то они говорили, что всѣ вЪ домѣ его сЪ крайнимЪ любопытствомЪ видѣть то желали. КакЪ я такихЪ людей еще никогда не видывалЪ, то добраго своего хозяина довелЪ до того, что онЪ согласился повеселить тѣмЪ свою семью, и велѣлЪ ихЪ кликнуть кЪ себѣ на дворЪ, куда привелЪ своихЪ женЪ и дочерей, покрытыхЪ предлинными фатами. Сіи чудесные вЪ своемЪ родѣ люди начали разныя выкидывать штуки сЪ великимЪ искусствомЪ, что привело вЪ немалое удивленіе всѣхЪ тѣхЪ, кои никогда ничего не видывали. ОдинЪ изЪ нихЪ сталЪ на четвереньки брюхомЪ вверьхЪ, а подЪ спину подставили ему кинжалЪ остреемЪ вверьхЪ, на брюхѣ же у него, поставя на оное небольшую наковальню, ковалЪ другой горячее желѣзо; послѣ чего, не перемѣняя сего положенія, положили ему на брюхо дыню, которую другой разрубилЪ саблею на двое, не дотронувшись ни мало до его тѣла. Хотя сіе всѣхЪ зрителей привело во удивленіе, однако мнѣ показалось то ни мало не чудно, потому что я представлялЪ себѣ, что частое вЪ томЪ ихЪ упражненіе пріучило ихЪ кЪ дѣйствіямЪ, толь опасными кажущимся; но всего болѣе привлекло мое вниманіе ихЪ

ихъ обѣщаніе посадить при насъ сѣмячко яблоннаго дерева, которое менѣе нежели въ два часа будетъ съ цвѣтомъ и съ плодами. Вотъ какимъ образомъ они то сдѣлали: въ довольно далекомъ отъ насъ разстояніи повѣсили они написанную холстину, представляющую нѣкоторой родъ театральныхъ украшеній. Разтворя оную спереди, взяли яблонное сѣмячко, и по нѣкоторымъ преддверіемъ служащимъ рѣчамъ и баснямъ, коими легковѣрныхъ людей безъ труда могли ослѣпить, положили его въ землю, полили и затворили опять холстину. Сдѣлавъ сіе, стали они между оною и между зрителями, и начали показывать другія штуки съ великимъ проворствомъ и искусствомъ; по томъ, поднявъ холстину, показывали намъ съ великимъ восторгомъ небольшее деревцо въ палецъ толщиною, и около аршина высотою; а дабы еще болѣе обмануть зрителей, то одинъ изъ нихъ, разрѣзавъ себѣ лѣвую руку, полилъ сей отростокъ своею кровью, послѣ чего холстину опять опустили, и они начали показывать еще новые куншты, при чемъ повторяли то дѣлать разъ пять, или шесть, показывая намъ всегда, сколько дерева прибывало, и наконецъ увидѣли мы яблоню толщиною въ руку, а высотою съ небольшимъ два аршина, и притомъ на оной показался сперва цвѣтъ, а послѣ и плодъ.

Сколь ни много удивлялся я проворству сихъ обманщиковъ, однако ничему не вѣрилъ, зная точно, что все безъ волшебства произходило; въ разсужденіи чего разсматривалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, что напослѣдокъ увидѣлъ,

что холстина была вдвое, и что когда ее закрывали, то мальчикЪ лѣтЪ вЪ двенатцать вырывалЪ и всаживалЪ деревья, какія намЪ показывали.

Доброй мой хозяинЪ и вся его семья весьма тому дивились; однако мнѣ не хотѣлось, чтобы старшина сихЪ обманщиковЪ счелЪ и меня толь же легковѣрнымЪ; вЪ разсужденіи чего отвелЪ я его на сторону, и сказалЪ ему, что я все таинство ихЪ вывѣдалЪ, и онЪ мнѣ вЪ томЪ самЪ признался. Чего тебѣ хочется? сказалЪ онЪ мнѣ смѣючись: когда можно дураковЪ обманывать, такЪ для чего того не дѣлать? Есть всякой хочетЪ, состояніе твое весьма сЪ моимЪ сходно; ты живешь только постными своими минками, а я сЪ проворствомЪ соединенными кунштами. Я самЪ былЪ КалендеромЪ; но жизнь сія показалась мнѣ скучною и глупою; вЪ разсужденіи чего, оставя ее, принялся за теперешнее ремесло, которое для меня гораздо пріятнѣе. ВсѣмЪ намЪ дивятся, вездѣ принимаютЪ насЪ хорошо, и никогда не можемЪ опасаться умереть сЪ голоду, и я еще думаю, что тотЪ, которому искуснымЪ КалендеромЪ быть хочется, необходимо долженЪ поучиться нѣсколько лѣтЪ всякимЪ увѣрткамЪ у подобныхЪ намЪ людей, и я не отчаяваюсь, чтобЪ достигши до нѣкоторыхЪ лѣтЪ, не надѣлЪ я на себя опять такого платья, кое оставилЪ только на нѣсколько времени. И такЪ, другЪ мой! естьли вы сЪ своимЪ товарищемЪ хотите быть вЪ нашей шайкѣ, то мы примемЪ васЪ тѣмЪ

съ большею радостію, что у насъ есть двѣ порожжія дѣвочки, которыя конечно уживутся съ такими молодцами, каковы вы быть кажетесь,

Сіе предложеніе удивило не мало моего товарища; но мнѣ не чудно показалось. Другъ мой! сказалъ я ему, не объ чемъ намъ думать, мы съ охотою къ вамъ пристанемъ; а особливо, что и послѣдния слова сего человѣка совсѣмъ меня на ихъ сторону склонили. Пока не узнаю вашихъ таинствъ, продолжалъ я, могу я быть вамъ хотя нѣсколько полезенъ: я хочу представить публикѣ нѣкоторыя чудесныя лѣкарства, кои я только одинъ умѣю дѣлать. Я сперва учился Медицинѣ, и бальсамами и мазьми моими буду производить толь удивительныя врачеванія, или по крайней мѣрѣ представлять ихъ такими, что отъ меня получите не менѣе денегъ, какъ и отъ искуснѣйшихъ вашихъ штукотворцовъ; естьли же больные мои не будутъ выздоравливать, а станутъ на тотъ свѣтъ отправляться, то всякой разъ не причтутъ то въ вину лѣкарству. Очень хорошо, отвѣтствовалъ мнѣ старшина, обнимая меня съ великою ласкою, ты конечно для нашего ремесла и рожденъ, и ученіе твое не принесло бы тебѣ пользы, когда бы ты не встрѣтился съ нами. И такъ пожалуй пристань къ намъ. Мнѣ не хочется, сказалъ я ему на то, озлобить сихъ добрыхъ хозяевъ, которые насъ такъ хорошо угощали; но завтра поутру чѣмъ свѣтъ, догоню васъ конечно и съ моимъ товарищемъ.

Все исполнено было, какъ сговорились. Мы сняли съ себя Календерскую одежду; на другой

день поутру дали намъ по пригожей танцовщицѣ, которыя обѣщались быть намъ вѣрными до самыхъ тѣхъ поръ, пока въ сей шайкѣ пробудемъ; и недѣли въ три обучились мы разнымъ кунштамъ такъ хорошо, что безъ всякаго труда могли дѣлать ихъ съ такимъ же проворствомъ, какъ и товарищи наши. Выключая сего новаго искусства, имѣлъ я предъ прочими то преимущество, что лѣкарства свои раздавалъ съ толь чрезмѣрными похвалами и съ такою велерѣчивостію, что ни одного не нашелъ человѣка, который бы ихъ у меня не хотѣлъ купить; а особливо была у меня одна мазь, коей я великія приписывалъ дѣйствія, и для показанія оныхъ выдумалъ весьма хитрую и чудесную штуку, которую товарищи мои такъ хорошо скрадывать умѣли, что всякой почиталъ меня чудотворцомъ. Взявъ шестилѣтняго робенка, бросалъ его въ верхъ, отъ чего у него всѣ члены распадались, сперва слѣды, ноги, руки, а по томъ и голова; и сіи отдѣлившіяся части составлялъ я опять вмѣстѣ, помазавъ ихъ моею мазью, отъ чего робенокъ тотчасъ вставалъ, и казался быть въ прежнемъ состояніи. Ясно видно, что сіе никакъ не можетъ быть; а состояло единственно въ проворствѣ и въ скорости дѣйствія, которымъ не перемѣняя непримѣтно предметы, ослѣпляли очи зрителей, кои отъ насъ въ довольно далекомъ разстояніи всегда находились, и потому рудою намазанныя изъ толстой бумаги члены почитали за настоящаго робенка, котораго мы сперва показывали, и который опять тотъ же вставалъ.

Сію

Сію странствующую жизнь велЪ я около трехЪ лѣтЪ сЪ великимЪ удовольствіемЪ. Мы прошли почти чрезЪ всѣ Индустанскіе города; побывавЪ вЪ Кандагарѣ (*), поѣхали вЪ ИспаганЪ (**). КакЪ сей городЪ есть такое мѣсто, вЪ которомЪ всякая роскошь доведена до чрезмѣрности, и вЪ которомЪ великое множество такихЪ женщинЪ находится, кои добродѣтель за ничто щитаютЪ: то весьма было бы чудно, естьли бы я довольствовался тою, которую дали мнѣ мои товарищи. ОднимЪ днемЪ приглашенЪ я былЪ сЪ моимЪ товарищемЪ молодыми знатными господами на одно увеселеніе, на которомЪ согласились они итти кЪ одной изЪ такихЪ женщинЪ, которая притомЪ весьма странныхЪ была поступокЪ. По пріобрѣтеніи такимЪ своимЪ ремесломЪ довольнаго достатка положила она намѣреніе каяться вЪ своихЪ погрѣшеніяхЪ; и для очищенія оныхЪ обѣщалась итти вЪ Мекку, откуда возвратясь, купила шесть прекрасныхЪ невольницЪ, которыхЪ отпускала ѣздить по Испагану за деньги на часЪ, на день, или на недѣлю, слѣдуя Персидскому обычаю; и какЪ она получаемой за то сЪ нихЪ доходЪ раздавала

(*) КандагарЪ, столичной городЪ государства того же имени; оный многократно попадался вЪ руки ИндѣйцамЪ и ПерсамЪ, у которыхЪ оный наконецЪ и остался.

(**) ИспаганЪ городЪ, лежащій вЪ Ерайской провинціи, вЪ Персіи, на рѣкѣ Цендеронѣ; онЪ почитается однимЪ изЪ величайшихЪ, прекраснѣйшихЪ и богатѣйшихЪ городовЪ вЪ свѣтѣ.

бѣднымъ, то думала, что, ведя сама весьма строгую жизнь, не причиняетъ чрезъ то великому нашему Пророку ни малѣйшаго озлобленія; но еще благоволеніе его заслуживаетъ. Сія женщина, будучи около тритцати пяти лѣтъ, имѣла въ себѣ еще много красы; и какъ упорство возбуждаетъ наши страсти обыкновенно болѣе, то одинъ изъ сихъ господчиковъ, вмѣсто того, чтобы выбрать себѣ которую нибудь изъ ея невольницъ, кои конечно гораздо моложе и прекраснѣе ея были, дѣлалъ ей такія предложенія, которыми бы всякая не толь странною набожностію пронутая женщина прельстилась; но она ничего не хотѣла слушать, и видя, что не только сей молодой человѣкъ, но и еще двое возъимѣли къ ней такую же склонность, и сопротивленію ея ихъ желаніямъ смѣялись, схватила кинжалъ, и грозила вонзить оный въ того, который дерзнетъ сдѣлать ей какое насиліе. Какъ дѣло имѣла она съ знатными особами, кои сіи доказательства добродѣтели почитали за пустыя выраженія, то одинъ изъ нихъ хотѣлъ ее обнять; но она въ то самое время вонзила въ него кинжалъ, отъ котораго удара онъ и умеръ. Такое приключеніе привело насъ всѣхъ въ несказанное удивленіе; и друзья убіеннаго, пришедъ отъ того въ великое сердце, обнажили свои сабли, и нещастную сію женщину, яко жертву толь хулы достойной набожности, изрубили въ мѣлкія части. Невольницы, видя госпожу свою въ такомъ состояніи, которое ихъ въ ужасъ приводило, подняли превеликой вопль и толь сильной крикъ, что все сосѣдство туда сбѣжалось, и домъ обступило; а между

тѣмъ

тѣмъ и Кади, услыша о томъ, пріѣхалъ туда съ своими приставами, и взялъ всѣхъ насъ подъ караулъ. Приключеніе сіе разнеслось по всему городу, и потому необходимо надлежало наказать виновныхъ; но какъ сіи молодые господа были въ великой знати и силѣ, и судья страшился раздражать ихъ фамиліи, то они тотъ же часъ освобождены были, а меня съ моимъ товарищемъ, хотя мы совсѣмъ нашлись безвинными, отвели въ темницу.

ВЕЧЕРЪ XXI.

Продолженіе исторіи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Какъ нещастная сія женщина была прежде невольница, и потому въ Испаганѣ не имѣла такихъ сродниковъ, которые бы отмщенія смерти ея требовали, то по Персидскому закону надлежало насъ освободить, тѣмъ наипаче, что мы по объявленію ея служанокъ никакого участія въ семъ смертоубивствѣ не имѣли. Но Кади не столько для отмщенія онаго, сколько для воздержанія молодыхъ вертопраховъ, кои ежедневно всякіе безпорядки у такихъ женщинъ производили, приговорилъ новымъ уставомъ высѣчь насъ у воротъ двора умерщвленной. Тщетно старался старшина нашей шайки избавить насъ отъ сего наказанія; потому что судьѣ подарилъ онъ по видимому не весьма много, почему и не могли никакой получить милости, и отведены были на мѣсто нашей пытки. Женщины, которыхъ дали намъ наши товарищи, видя, что

что прозьбы нашего старшины ни мало не помогали, старались по крайней мѣрѣ уменьшить жестокость наказанія; въ разсужденіи чего пошли къ Кадіеву слугѣ, которому оное исполнить поручено было, и давъ ему четыре золотыхъ, получили отъ него обѣщаніе, чтобы онъ пощадилъ хотя нѣсколько у насъ спины; но сей злодѣй, будучи толь же неправодушенъ, какъ и его господинъ, поступалъ съ нами толь немилосердо, и билъ насъ съ такимъ безчеловѣчіемъ, что кровь текла съ насъ потоками; а потомъ, не смотря ни на слезы, ни на крикъ нашъ, намоча разбитое наше тѣло уксусомъ съ солью, опасаясь, чтобы оное не загнило, отдалъ намъ наше платье; и насмѣхаясь надъ нами, сказалъ намъ, чтобы онъ насъ добрымъ мастерствомъ отпотчивалъ, естьли бы не дали ему четырехъ золотыхъ.

Претерпя толь безвинным образомъ сіе наказаніе, не разсудилъ я за благо жить долѣе въ Испаганѣ, и въ тотъ же день отстали мы оба отъ нашихъ товарищей, проклиная Кадія и всѣхъ его помощниковъ, и положа твердое намѣреніе отмстить ему за оное. По щастію было изъ насъ у каждаго по пятидесяти золотыхъ; почему промѣнявъ свое платье у Жидовъ на Календерское, пошли мы въ Ширацъ. Часовъ чрезъ пять, или чрезъ шесть прибыли мы въ одно большее село, гдѣ караванъ-сераля не было; въ разсужденіи чего спрашивали у одного старика, которой у двора своего сидѣлъ у воротъ, гдѣ бы можно было намъ пристать. Хотя онъ простой

и

и небогатой былъ плотникъ, однако просилъ насъ къ себѣ въ домъ, на что мы согласясь охотно, дали ему одинъ золотой съ тѣмъ, чтобы насъ накормилъ хорошенько, и онъ, взявъ оной, пошелъ самъ доставать у сосѣдей чего получше; но прежде своего отшествія ввелъ насъ въ одну поземную избу, въ которой первой предметъ, очамъ нашимъ представившійся, былъ Кадіевъ слуга, поступившій съ нами съ толикою жестокостію. Какъ онъ въ разсужденіи нашей одежды никакъ не могъ насъ узнать, а особливо видя насъ только одинъ разъ во время нашего наказанія; и плотникъ, принесши намъ кушанья, сказалъ, что сей человѣкъ ему также незнакомъ, какъ и мы, и что не могъ отказать ему у себя въ ночлегѣ: то мы сего нашего палача и хозяина пригласили съ собою отужинать, и столъ препроводили довольно весело, и подгуляли очень порядочно, послѣ чего легли спать всѣ въ одной избѣ. Я легъ съ товарищемъ своимъ на одномъ тюфякѣ, и до тѣхъ поръ не заснули, пока не изыскали средства къ отмщенію Кадіеву слугѣ, который спалъ подлѣ хозяина.

Какъ скоро разсвѣтало, то хозяинъ пошелъ на роботу; я же, вставъ и одѣвшись наскоро, пошелъ купить метлу, которую принесъ туда подъ полою, и раздѣлилъ ее на три части. Потомъ товарищъ мой и я, взявши по хорошей связкѣ прутьевъ, и снявъ съ себя платье и рубашки до поясу, разбудили нашего палача, у котораго хмѣль изъ головы еще не вышелъ; и разодравъ у него рубашку, начали сѣчь его изъ

всей мочи. Сей плутъ чрезвычайно удивился, когда мы ему о себѣ знать дали. Тщетно бросался онъ къ ногамъ нашимъ для полученія отъ насъ прощенія; прозьбы и крикъ его трогали насъ столь же мало, сколько жалости имѣлъ онъ прежде съ нами. Въ короткое время привели мы его въ такое состояніе, которое бы всякаго человѣка побудило къ жалости; но мы, исполнены будучи пресильнымъ желаніемъ ненасытнаго мщенія, оной не чувствовали. Я уже почти двѣ связки изломалъ о его спину, кровь текла изъ него ручьями, и онъ такъ сильно кричалъ, что плотникъ, прибѣжавъ туда со всѣми своими сосѣдями, думалъ, что мы другъ друга давимъ; а какъ мы дверь заперли, и кричали столь же сильно, какъ и нашъ палачь, то дверь принуждены были выломать; и зрители пришли въ неописанное удивленіе, видя всѣхъ насъ троихъ въ такомъ состояніи: это ничего, друзья мои! говорилъ я имъ, въ которое время товарищъ мой бить его не преставалъ, это ничего; сей безумецъ говорилъ намъ, что и онъ Календеромъ сдѣлаться хочетъ; и хотя мы ему и представляли, что начало вступленія въ сей чинъ покажется ему жестокимъ, потому что терпѣнія ищущихъ испытываютъ всегда нѣсколько суровыми поступками; однако онъ тому смѣялся, и чтобы доказать намъ, что онъ человѣкъ неустрашимой, предложилъ намъ сѣчь другъ друга; онъ началъ надъ нами, и вы видите, въ какомъ состояніи мы отъ того находимся; но притомъ скажу, что мы несли все безъ всякаго крика; когда же до-

дошла и до него очередь, то крикомъ своимъ думаетъ избыть отъ того, какимъ образомъ онъ поступилъ съ нами; но упустить ему было бы весьма несправедливо, а притомъ не можемъ ни мало надѣяться, чтобы онъ былъ хорошій Календеръ; легко же могло бы статься, чтобы онъ вездѣ началъ хвастать, что удалось ему такъ насъ отпотчивать, какъ спины наши вамъ то показываютъ. Слуга хотѣлъ было изъясниться и насъ обличить въ обманѣ; однако до того мы его не допустили; и какъ зрители похвалили нашъ поступокъ, и предлагали намъ свою помощь, естьли то нужно: то мы начали опять нещастнаго сего слугу сѣчь съ такою жестокостію, что оставили его почти безъ чувства; и отнявъ у него данные ему для пощаженія нашего четыре золотые, пошли мы въ путь, не помышляя о томъ ни мало, что съ симъ нещастнымъ палачемъ воспослѣдуетъ. Вы можете разсудить, что мы отъ сего мѣста весьма поспѣшно удалились, чтобы о истиннѣ дѣла сего не узнали. Мы болѣе полутора года бродили по всѣмъ городамъ Персіи, препровождая весьма разпутную жизнь, но показывая весьма постную и благоговѣйную наружность.

Какъ я несправедливаго Кадія не могъ истребить у себя изъ памяти, то видя, что я совсѣмъ уже перемѣнился, положилъ намѣреніе итти опять въ тотъ городъ; и хотя товарищъ мой и представлялъ мнѣ, въ какія опасности могли мы тѣмъ себя ввергнуть, однако ничто не въ состояніи было отвратить меня отъ моего

пред-

предпріятія, и онъ, будучи не столь отраженъ, какъ я, разстался со мною. И такъ я возвратился въ Испаганъ, гдѣ узналъ я, что слуга, котораго мы столь хорошо потчивали, отъ того вскорѣ умеръ; сіе причинило мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, потому что онъ могъ бы меня узнать, и не преминулъ бы конечно искать отмщенія. Такимъ образомъ, не имѣя съ сей стороны никакого страха, ходилъ я въ присутственное мѣсто сего Кадія болѣе года съ такою точностію, что всякой тому крайнѣ удивлялся. Всѣ увѣрены были, что я, имѣя честное и справедливое сердце, слушалъ съ такимъ вниманіемъ всѣ рѣшенія сего судьи, который весьма искусным почитался; и что будучи въ разсужденіи моего сана обязанъ подавать ежедневно совѣты для споспѣшествованія мира между людьми, какимъ особливымъ интересомъ ссорющихся, старался всячески узнать, какъ о естественномъ и писанномъ правѣ, такъ и о государственныхъ законахъ. Сіе казалось тѣмъ страннѣе, что другіе Календеры не тщились въ то ни мало; и сіе самое привело меня въ Испаганѣ въ такую славу, что большая часть ремесленниковъ избирали меня посредникомъ въ произходящихъ между ими ссорахъ. Наконецъ дождался я того дня, въ которой желаніе свое могъ удовольствовать. Въ одинъ день сдѣлалъ Кади въ разсужденіи одного сироты весьма несправедливый приговоръ, которымъ лишалъ его наслѣдства, принадлежащаго ему по всѣмъ законамъ. И какъ соперники его хвастались тѣмъ при мнѣ прежде еще объявленія такого рѣшенія, то я, увѣдавъ о томъ, по приходѣ моемъ въ суд-

судное мѣсто, подошелъ къ Кадію, и показывая ему, будто хочу говорить съ нимъ въ тайнѣ: познай, сказалъ я ему, того, котораго ты толь немилосердымъ и несправедливымъ образомъ велѣлъ наказать, уже тому около трехъ лѣтъ, и прими за то достойное воздаяніе. Тогда, не давъ ему время мнѣ отвѣтствовать, вонзилъ ему въ грудь кинжалъ, и столкнулъ его со стула; самъ же сѣлъ на его мѣсто весьма спокойнымъ духомъ. Сей злосердый, сказалъ я пришедшимъ въ удивленіе всѣмъ притомъ бывшимъ, указывая на убіеннаго Кадія, учинилъ такой приговоръ, который нарушаетъ всѣ права справедливости, и всѣ законы; и уже давно примѣтилъ я, что онъ вмѣсто того, чтобы быть защитникомъ вдовъ и сиротъ, искалъ ихъ притѣснять и угнѣтать, и что въ очахъ его только тотъ правъ бывалъ, который ему богатые давалъ подарки. Я уничтожаю его рѣшеніе, и повелѣваю оставить сироту во владѣніи своимъ имѣніемъ, а соперникамъ его дать по сту ударовъ дубиною по пятамъ.

ВЕЧЕРЪ XXII.

Продолженіе исторіи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Кади былъ даже и невольниками своими такъ ненавидимъ въ разсужденіи его жестокости и ненасытной жадности къ богатству, а меня напротивъ того столь много въ Испаганѣ почитали, что не только никто не хотѣлъ отмстить смерть Кадія, но еще всякой похвалялъ мою неустрашимость, и учиненной мною приговоръ исполненъ

менъ былъ безъ всякаго медленія. Всего страннѣе притомъ показалось мнѣ, что похвалялъ сіе и Испаганской Губернаторъ, который, призвавъ меня къ себѣ, предлагалъ мнѣ мѣсто Кадіево; но я просилъ его уволить меня отъ толь важной должности, при отправленіи которой почти никакъ не возможно не учинить какой несправедливости, или не навлеча на себя великаго множества непріятелей. Милостивый государь! сказалъ я ему, тотъ, который за поступками другихъ смотрѣть обязанъ, имѣя въ рукахъ вѣски къ вѣрному изслѣдованію оныхъ, долженъ не только правое имѣть сердце, но обладать отмѣнными качествами и разумомъ, и управлять и собственными своими поступками. Когда находится за престоломъ правосудія, то долженъ почитать себя человѣкомъ, который цугъ сердитыхъ и ярыхъ лошадей самыми тонкими поводами управляетъ, и который отъ малѣйшаго потрясенія можетъ упасть съ своей колесницы. Сіи-то разсужденія побуждаютъ меня отречись отъ той чести, которую ты мнѣ дѣлаешь: пускай другой, обладая большею смѣлостію, не страшится сихъ опасностей. Сей отказъ удивилъ немало Губернатора; цѣломудріе мое не могло его удержать отъ того, и онъ, давъ мнѣ сто золотыхъ, позволилъ итти куда похочу.

Толь прибыточное мѣсто не принялъ я не изъ честности; но сверьхъ того, что я въ семъ городѣ былъ сѣченъ, страшился я и того, чтобы сродники Кадія не велѣли меня тайнымъ образомъ умертвить. И такъ, не мѣшкая ни мало, оста-

оставилъ Испаганъ, и вознамѣрился посмотрѣть древній Персеполь и славный храмъ, построенный тамъ Соломономъ. Въ книгѣ, называемой чудеса Пророковъ, читалъ я, что сей Султанъ, вступя въ идолопоклонство прелестями и обманомъ Царицы его супруги, дщери Фаруина, которая была закону Гвебровъ (*), и не смѣя посрамить Іудейскаго храма постановленіемъ въ ономъ какого монумента, идоламъ посвященнаго, повелѣлъ нечистымъ духамъ для удовольствованія Царицы построить великолѣпный дворецъ, въ которомъ бы такое находилось мѣсто, гдѣ можно бы ей было исполнять все по своему закону, притомъ сдѣлать тамъ также гробницы для нее и для ея потомковъ. Но нечистые духи, трудясь надъ симъ зданіемъ около девяти лѣтъ, оставили свою работу, потому что Царица скончалась, и Государь сей запретилъ имъ продолжать болѣе, довольствуясь только тѣмъ, что въ сіи гробницы велѣлъ положить всѣ свои богатства и сокровища.

Такія чудеса возбудили во мнѣ немалое любопытство, и потому въ Персеполь поспѣшалъ съ великою нетерпѣливостію. Разсматривая со удивленіемъ развалины сего зданія, которое дѣйствительно не могло сооружено быть человѣческими руками, и къ описанію котораго весьма много времени потребно, вошелъ въ подземные чертоги, изъ коихъ съ великимъ трудомъ надобно

(*) Гвебрами называются древніе Персы, покланявшіеся огню.

бно было итти до гробницЪ, которыя тѣми же духами стрегомы, коихЪ СоломонЪ употреблялЪ кЪ сооруженію оныхЪ; по томЪ пошелЪ кЪ находящейся на два дни ѣздою оттуда славной горѣ, состоящей изЪ одного только превеликаго камня, со всѣхЪ сторонЪ неприступнаго. Гора сія имѣетЪ вЪ окружности около полумили; вершины оной не можно никакЪ видѣть, и вЪ ней находится множество окошекЪ, такЪ какЪ бы то былЪ какой замокЪ; но вЪ оной никакого не видно хода; и сіе удивительное зданіе, называемое Кала а диве се ФидЪ (*), почитается гробницею исполина Русшема. Обыватели окрестЪ сей горы увѣряли меня, что вЪ семЪ замкѣ находится большая часть сокровищЪ СоломоновыхЪ, и я нѣсколько разЪ обходилЪ оную вЪ той надеждѣ, не могу ли найти какого вЪ оную входа; но труды мои были напрасны, и я уже хотѣлЪ вЪ ближайшую деревню удалиться, какЪ вдругЪ ночь меня застигла, и я принужденЪ былЪ лечь подлѣ дерева и ожидать тамо дня. Имя сей горы меня очень безпокоило, и я не могЪ сомкнуть глазЪ. Однако напослѣдокЪ началЪ я дремать, какЪ вдругЪ подлѣ самой подошвы горы увидѣлЪ весьма ясной свѣтЪ. Я тотчасЪ вскочилЪ, и сколь ни много приключеніе сіе меня устрашило, однако я побѣжалЪ на оной, и ободрился не мало, увидя, что оный произходилЪ отЪ факала, которой несЪ небольшой человѣкЪ, идущій вЪ одну пещеру, коей я днемЪ не могЪ никакЪ примѣтить. ОнЪ далЪ мнѣ знакЪ,

(*) То есть замокЪ бѣлаго діавола.

знакъ, чтобъ я за нимъ шелъ, и я имѣлъ столько мужества, что безпрекословно ему повиновался. Нѣсколько времени сходили мы отъ часу ниже въ сей горѣ. По томъ, шедъ съ четверть часа чрезъ одну длинную галлерею, убранную черными мраморомъ, толь гладко выполированнымъ, что оной казался настоящимъ зеркаломъ, пришли мы въ залу, въ которой увидѣлъ я трехъ человѣкъ, кои казались чрезвычайно печальными. Они сидѣли другъ противъ друга за треугольнымъ столомъ, на коемъ лежала превеликая чернымъ бархатомъ покрытая и пребогатыми золотыми бляхами и запирками украшенная книга, на которой находились сіи слова: *да никто прикоснется книги сея, аще не очищенъ есть* (*). Не большой человѣкъ, которой глубокое наблюдалъ молчаніе, сказалъ мнѣ, чтобы я сѣлъ подлѣ сихъ трехъ человѣкъ, на коихъ взиралъ я съ не малымъ удивленіемъ. Я его послушался, и сѣвъ, сказалъ имъ: да будетъ миръ съ вами. . . Миръ изгнанъ изъ сихъ плачевныхъ мѣстъ, отвѣтствовалъ мнѣ съ суровымъ видомъ самый старшій изъ нихъ. Въ сихъ мѣстахъ, вскричалъ я, миръ не царствуетъ? Кто же вы такіе? и что вы здѣсь дѣлаете? Мы ожидаемъ, продолжалъ онъ, съ смертельнымъ ужасомъ въ семъ родѣ могилы праведнаго суда Божія.

(*) Сіи слова находятся почти на всѣхъ алкоранахъ, и въ оныхъ есть и такія главы, которыхъ читать не позволяется, не омывъ сперва своего тѣла.

Развѣ вы, примолвилъ я, какіе великіе грѣшники? Увы! сказалъ мнѣ другой, безпрестанно терзаясь напоминовеніемъ худыхъ дѣлъ нашихъ, приведены мы въ сіе состояніе, въ которомъ насъ видишь. Тогда, разстегнувъ свои камзолы, увидѣлъ я у нихъ сквозь кожу, которая толь же проницательна, какъ хрусталь, казалось, что сердца ихъ окружены были огнемъ, которой жегъ ихъ безпрестанно, но не могъ притомъ ихъ совсѣмъ сжечь; и я позналъ тогда, отъ чего произходили разныя движенія ярости и отчаянія, кои на лицахъ ихъ изображались попеременно. Я не могъ взирать безъ ужаса на сей родъ казни. И вождь мой, видя меня жалостію тронувшагося, сказалъ мнѣ: ты зришь ихъ наказаніе, но не знаешь ихъ преступленія; открой сію завѣсу, то познаешь о всемъ вскорѣ.

ВЕЧЕРЪ XXIII.

Продолженіе и конецъ исторіи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Чуть только открылъ я завѣсу, какъ за оною увидѣлъ я картину, на которой представленныя лица казались мнѣ оживотворенными. Сіи три человѣка были изображены на оной такъ, какъ они безчисленное множество злодѣйствъ производили, какъ-то грабежи, смертоубійства, пожары и тому подобныя преступленія, коихъ никакъ подробно описать не въ состояніи. Они, увидя сію картину, не только не были ни малѣйшимъ раскаяніемъ тронуты, но еще на лицахъ изъявляли нѣкоторую веселость, изъ коей я заклю-

ключилъ, чтобы опять къ мерзостнымъ своимъ дѣламъ приступили, естьли бы то въ волѣ ихъ состояло. Симъ поступкомъ будучи чрезмѣрно тронутъ, не могъ никакъ отъ сердца удержаться. Нещастные! вскричалъ я, хотя жизнь ваша наполнена неистовствомъ, грабительствомъ, хищеніемъ и самыми гнуснѣйшими пороками; однако вы вмѣсто того, чтобы видя изображеніе всѣхъ мерзскихъ дѣлъ вашихъ, почувствовали въ себѣ стыдъ и печаль, изъявляете свою радость и удовольствіе.

Для чего ругаешься ты нами? сказалъ мнѣ на то тотъ изъ трехъ человѣкъ, которой еще не говорилъ. Взгляни на другую сторону сей картины. Тогда, ударивъ по ней рукою, и оборотя ее, пришелъ я въ неописанное удивленіе, увидя тамъ самыя сокровенныя обстоятельства своей жизни: глупая моя гордость во время бытія моего верьховнымъ врачемъ у Хиторскаго Султана, наказаніе, за то полученное, разные чины, мною отправляемые; словомъ, всѣ мои неистовства изображены были на оной порядочно. На ней усмотрѣлъ я Кадіева слугу, разсѣкаемаго ударами, при смерти наконецъ испускающаго послѣдніе вздохи, и самаго обагреннаго кровію Кадія, поверженнаго мною на землю въ грудь кинжаломъ пораженнаго.

Никто не можетъ притти въ таковый стыдъ, какъ я. Болѣе четверти часа не смѣлъ я проговорить ни слова; но наконецъ, собравшись вдругъ съ силами, Великій Пророкъ! вскричалъ я, ты, власть коего предѣловъ не имѣетъ, ты, кото-

рой планетами повелѣваешь, которой перстомъ своимъ раздѣляя (*) луну на двое, исполнилъ страхомъ Божіимъ невѣрныя сердца, яко пламеннымъ мечемъ, и которому Богъ ни въ чемъ отказать не хощетъ! есть ли искреннее раскаяніе въ моихъ преступленіяхъ можетъ тебя тронуть, изпроси мнѣ въ оныхъ прощеніе, коего чистымъ и нелицемѣрнымъ сердцемъ требую, повинуясь претерпѣвать на землѣ всякое наказаніе, котораго я достоинъ; избавь меня отъ жестокаго наказанія предбудущія жизни, которое меня устрашаетъ, и сотвори, чтобы съ Гуріями твоими насладился ненарушаемымъ ничѣмъ благополучіемъ для истинныхъ правовѣрныхъ.

Чуть только произнесъ я сіи слова, проливая великіе слезъ потоки, какъ карла, ударивъ меня своимъ зажженнымъ факаломъ по лицу, кайся, сказалъ онъ мнѣ, въ преступленіяхъ твоихъ цѣлыя семь лѣтъ, безъ всякаго роптанія, и ожидай отъ милосердія Божія прощенія въ оныхъ. Тогда ударилъ пресильной громъ, и такъ долго раздавался, что я совершеннаго опровер-женія

(*) Магометъ, чтобы идолопокланяющихся Корайстовъ увѣрить, что онъ Посланникъ Божій, поднялъ руку, какъ то послѣдователи его объявляютъ, и двумя перстами перерѣзалъ луну на двѣ части, изъ коихъ одна сошла тихо на землю, прошла мимо рукъ его лжепророка, и возвратилась паки к другой половинѣ. Оттуда установили они праздникъ, называемой Шекъ-Фель-Камаръ, то есть разрѣзаніе луны.

женія естества чаялЪ. Сіе привело меня вЪ такой ужасЪ, что всѣхЪ чувствЪ лишился, и изЪ сего состоянія, вЪ которомЪ, не знаю, какЪ долго пробылЪ, вышелЪ крикомЪ, которой, показалось мнѣ, будто производили сЪ МинаретскихЪ башенЪ для созыванія на молитву. Великій Боже! вскричалЪ я тогда, гдѣ я? и какою окруженЪ я мглою? ДружокЪ! сказалЪ мнѣ одинЪ мимоходящій, конечно лишился ты зрѣнія, когда не видишь, что находишься у вратЪ Хиторской Соборной мечети? Хиторской мечети? отвѣтствовалЪ я сЪ удивленіемЪ. Тому сЪ минуту, какЪ я вЪ Персеполѣ находился. Мимоходящій началЪ смѣяться, и я слышалЪ, что говорилЪ другому: сей слѣпой былЪ вчера конечно подЪ хмѣлькомЪ, отЪ чего еще и теперь не очень трезвЪ, или онЪ конечно вЪ умѣ помѣшанЪ. Какія разсужденія вступили тогда вЪ умЪ мой! КакЪ! сказалЪ я самЪ себѣ, не уже ли то правда, что вЪ горѣ бѣсовЪ со мною приключилось? Увы! продолжалЪ я, то все сбылось со мною; чувствую, что приключившееся со мною не сонЪ, и что лишенЪ я зрѣнія. Великій ПророкЪ! когда ты милосердымЪ окомЪ на меня воззрѣть хочешь, то сЪ благодарностію пріемлю все, что небо ни повелитЪ сЪ моею судьбою.

Скоро увѣрился я вЪ сей истиннѣ. Все, что я ни слышалЪ отЪ входящихЪ вЪ мечеть, удостовѣрило меня, что я вЪ Хиторѣ; и какЪ многіе человѣколюбивые люди подавали мнѣ милостыню, то могЪ понять, что, выключая лишенія зрѣнія, ПророкЪ хотѣлЪ меня и унизить до того, чтобы пропитаніе свое имѣлЪ единственно

отъ подаянія истинныхъ правовѣрныхъ въ томъ городѣ, гдѣ, спустя тому лѣтъ пять или шесть, предпочиталъ себѣ только Султана и Визиря Мамгуда. Избѣгнувъ той опасности, въ какой тогда въ семъ мѣстѣ находился, не хотѣлъ я при семъ случаѣ о себѣ объявить, и нанявъ себѣ въ предмѣстіи одну горенку, не пропускалъ ни одного дня чрезъ цѣлыя семь лѣтъ, повинуяся гласу Посланника Божія. Всякое утро ходилъ ко вратамъ мечети, и тамъ пробылъ бы я всю жизнь мою, не взирая на сны, въ которыхъ для полученія паки зрѣнія возвѣщалось мнѣ итти въ Ормуцъ, естьли бы Альбаертъ, тѣмъ же внушеніемъ упоенный, не пришелъ исторгнуть меня изъ злополучнаго моего состоянія, и не показалъ мнѣ, возвратя мнѣ чувство зрѣнія, что великій нашъ Пророкъ уже примирился со мною.

Приключенія Абулъ-Асама увеселили весьма много Султаншъ; но и Султанъ Гузаратскій чувствовалъ также не менѣе удовольствія. Всѣ удивлялись они различности произшествій жизни сего слѣпаго и чудесамъ, съ нимъ сбывшимся, какъ надзиратель караванъ-сераля пришелъ къ Ширину съ объявленіемъ, что вчерашняго дня пріѣхали два человѣка весьма прекраснаго вида, одѣтые въ купеческое платье, и казались быть въ весьма великой дружбѣ, въ разсужденіи чего получилъ повелѣніе привести ихъ во дворецъ, какъ возможно скорѣе. Я того не дожидался, милостивый государь! сказалъ онъ ему, чтобы вы мнѣ то приказали; я напоилъ ихъ буенгомъ, и они уже скоро проснутся, а теперь лежатъ здѣсь за

дверь-

дверьми. Принцъ, пересказавъ Султаншамъ, что ему объявилъ Заадій, возбудилъ въ нихъ великую нетерпѣливость, чтобы сіи два новые пришельца опамятовались. Какъ скоро увидѣли, что они пробуждаются, то немедленно отдернули завѣсу; и естьли Султанши удивлялись красотѣ сихъ двухъ человѣкъ, которые другъ на друга взирали, чтобы узнать, какимъ образомъ зашли они въ толь великолѣпные чертоги: то удивленіе ихъ сдѣлалось еще болѣе, когда онѣ примѣтили, что они оба вдругъ вскочили, и поднявъ превеликій радостный крикъ, побѣжали къ Персидской Принцессѣ и къ ногамъ ея бросились.

Никакъ не возможно изобразить то состояніе, въ которое приведена была Канцадея, увидя въ сихъ двухъ пришельцахъ Принца Висапурскаго и Султана Ормуцкаго. Естьли присутствіе перваго внушало въ нее наичувствительнѣйшую радость, то взоръ другаго причинялъ ей толь сильный страхъ, что къ Карабагѣ пала безчувственна въ руки. Сіе тронуло Султаншъ, и онѣ всѣ силы свои употребляли, чтобы привести ее въ чувство. Какъ скоро пришла она въ себя, то Канцанъ-Канъ началъ ей говорить такъ: не страшись ничего болѣе такой страсти, которой единое напоминовеніе приводитъ меня теперь въ смятеніе и стыдъ, только какимъ нибудь чудомъ, дражайшая сестра! могла она изъ сердца моего изчезнуть; и сей братъ, на котораго до сихъ поръ должна ты была взирать съ омерзѣніемъ въ разсужденіи чувствуемой имъ къ тебѣ мерзской любви, достоинъ теперь единственно твоего сожалѣ-

жалѣнія. Прости же ему, прекрасная Канцадея! что толико нещастій и бѣдствій отъ него претерпѣла. Я не стыжусь ни мало признаться здѣсь въ моихъ преступленіяхъ; онѣ послужили только къ тому, чтобы доказать мнѣ всю злобу человѣческаго сердца. Благодарю великаго нашего Пророка, что въ очахъ твоихъ не долженъ я болѣе быть тѣмъ ужаснымъ любовникомъ, которой толико разъ приводилъ тебя въ трепетъ; ты въ немъ увидишь теперь почтительнаго брата. А чтобы доказать тебѣ самымъ дѣломъ, что я избавился совсѣмъ отъ такой любви, коей единое напоминовеніе приводитъ меня въ ужасъ: то соглашаюсь, чтобы Висапурскій Принцъ сочетался съ тобою бракомъ, естьли то возможно, безъ всякаго замедленія.

Канцадея не могла себѣ представить, что все то истинно было. Она имѣла причину думать, что Перицы, въ чертогахъ коихъ она быть мнила, могли для удовольствія ея показать очамъ ея такихъ духовъ, которые вскорѣ изчезнутъ; и все произходившее казалось ей тѣмъ труднѣе, что зная о смертныхъ измѣнахъ и толь явной неблагодарности Кацанъ-Кана, не могла увѣриться, чтобы онъ въ разсужденіи ея перемѣнился. Естьли что могло отвратить ее отъ сихъ мыслей, то сіе было согласіе, которое между ея любовникомъ и между братомъ ея быть казалось; но Котбединъ скончалъ всѣ ея сомнѣнія, поцѣловавъ у нее руку съ нѣжнѣйшимъ восхищеніемъ. Да, божественная Канцадея! сказалъ онъ ей, сего Принца,

тво-

твоего брата, не должно намъ болѣе почитать врагомъ нашимъ; не только соглашается онъ съ радостію на благополучіе мое съ тобою, но мы ищемъ тебя вмѣстѣ тому уже болѣе трехъ мѣсяцовъ, дабы скончать всѣ твои напасти; и мы уже начинали въ томъ отчаяваться, какъ непонятнымъ для насъ приключеніемъ тебя находимъ, не зная какимъ способомъ, въ такихъ чертогахъ, великолѣпіе коихъ превосходитъ все то, что мы величественнаго, славнаго и удивительнаго въ свѣтѣ видѣли, и кои сооружены кажутся только для того, чтобы представить истинное понятіе обѣщаемаго нашимъ Пророкомъ рая тѣмъ, которые законъ его исполнятъ съ точностію.

Канцадея, вышедъ изъ сего удивленія, подняла своего любовника и своего брата, и обнимая послѣдняго съ горячностію; увы, Государь! сказала она ему, то въ самомъ дѣлѣ истинно, что обрѣтаю въ тебѣ брата и защитника, и что безъ сожалѣнія соглашаешься, чтобы я Висапурскому Принцу досталась? Да, дражайшая Канцадея! отвѣтствовалъ Кацанъ-Канъ, положа мою руку въ Котбединову; я не только на то согласенъ, и даю тебѣ храбрѣйшаго и великодушнѣйшаго на свѣтѣ человѣка; но могу тебя увѣрить, что на союзъ сей съ неизреченною радостію взирать буду.

Кофробъ, которой глубокое наблюдалъ молчаніе, началъ тогда говорить: Султанъ Ормуцкій! сказалъ онъ ему, ты долженъ прославлять небеса, что изъ сердца твоего такую страсть

истребили, которая бы во всю твою жизнь приносила тебѣ срамъ и безчестіе, и которой никакія адскія муки не могли бы по смерти твоей очистить, естьли бы бѣдственныя свои намѣренія исполнилъ; завѣса, очи твои закрывающая, съ тебя спала; великій нашъ Пророкъ показалъ на тебѣ довольно безконечную щедроту и милосердіе Всесильнаго; онъ тебя любитъ, защищенія своего показалъ тебѣ явные знаки. Я не хочу толковать тебѣ о томъ яснѣе, ты все подробно о томъ знаешь; скончай же тобою начатое, и для лишенія Принцессы всякаго безпокойствія дозволь, чтобы въ сію же минуту соединилъ я ее съ Висапурскимъ Принцомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Султанъ Ормуцкій полюбилъ Канцадею, никто не старался отвращать его отъ онаго; но смотря пристально на Имана, побѣжалъ пасть къ его ногамъ. Почтенный старецъ! сказалъ онъ ему, человѣкъ ли ты, или духъ? ибо безъизвѣстно мнѣ, куда тебя причислить; сколь великою благодарностію я тебѣ обязанъ! понеже ты только одинъ излечилъ меня отъ поносной любви, которая меня ослѣпляла и въ бездну пороковъ ввергала, соверши милость свою, и естьли сіи дамы позволятъ, не отлагай болѣе такое благополучіе, кое я столь долгое нарушалъ время. Я отвѣтствую въ ихъ на то соизволеніи, продолжалъ Кофробъ; онѣ весьма великое удовольствіе чувствуютъ, видя скончаніе злополучій Канцадеи, и потому въ толь полезномъ для нее дѣлѣ всевозможное участіе пріемлютъ. Тогда, приближась

къ

къ Котбедину и къ Принцессѣ, сочеталъ ихъ въ ту же минуту. Все сіе произходило съ такою скоростію, что Султанъ и Принцъ Висапурскій почти не имѣли времени помыслить о пренесеніи своемъ въ сіи чертоги. По протеченіи первыхъ минутъ спрашивали они у Канцадеи, гдѣ они находятся? Но сія Принцесса разсказала имъ о томъ согласно съ понятіями, кои она о томъ имѣла; и какъ они въ древнихъ романахъ о разныхъ сему подобныхъ приключеніяхъ довольно читывали, то почли за весьма возможное дѣло, что тѣ же силы, которыя въ сіи мѣста завели Принцессу, принесли туда также и ихъ для скончанія тамъ ихъ нещастій. И Султанъ Ормуцкій имѣлъ причину вѣрить тому тѣмъ наиболѣе, что изъ сказаннаго имъ Иману показывалось, что онъ великаго сего человѣка не въ первый разъ видитъ.

Султанши, которыя до сей минуты были зрительницами всего произходящаго, возъимѣли крайнее любопытство знать, какимъ образомъ Принцъ Висапурскій сошелся съ Ормуцкимъ Султаномъ, и какимъ случаемъ сей Государь могъ побѣдить ненависть свою къ Котбедину и любовь свою къ Канцадеѣ. Гегернаца показывала, сколь великое удовольствіе принесетъ имъ сіе повѣствованіе, и Султанъ началъ приключенія свои разсказывать такимъ образомъ.

ИСТОРІЯ
О Кацанъ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Безполезно бы было, милостивыя государыни! естьли бы началъ разсказывать вамъ о первыхъ при-

приключеніяхъ моей жизни; оныя вамъ конечно не безъизвѣстны, потому что Принцесса безъ сомнѣнія васъ объ нихъ увѣдомила. Что касается до того, что случилось со мною съ тѣхъ поръ, какъ Принцъ Котбединъ разлученъ былъ съ Канцадеею, то оное вамъ, думаю, также не менѣе извѣстно, естьли вы изъ числа благодѣтельныхъ духовъ, какъ-то думать я долженъ. Но кто бы вы таковы ни были, однако не откажу вамъ въ такомъ повѣствованіи, которое должно оправдать меня въ чрезмѣрной страсти, кою чувствовалъ я къ сестрѣ моей, и въ крайней моей неблагодарности въ разсужденіи Висапурскаго Принца.

Съ самаго ослушанія Султана Адама раждаемся мы всѣ съ склонностями, болѣе или менѣе сильными къ удаленію отъ должностей своихъ. Хорошее воспитаніе исправляетъ иногда сіи наши къ злу склонности, но часто бываютъ онѣ насъ самихъ сильнѣе; и наказанія, налагаемыя на насъ въ младенчествѣ, не всегда способными бываютъ средствами къ отвращенію насъ отъ злыхъ нашихъ склонностей: то испыталъ я на самомъ себѣ. Рожденъ будучи отъ премудраго и добродѣтельнаго отца, написано было на доскѣ свѣта, что я чудовище буду въ омерзѣніе всего міра; потому что поносная страсть, кою возъимѣлъ я къ сестрѣ, потушила въ душѣ моей всѣ чувства истинныя вѣры, честности и человѣчества. Позвольте, милостивыя государыни! умолчать мнѣ о томъ времени, въ кое я былъ въ ослѣпленіи, а приступить къ тому, въ которое обрѣлъ паки употребленіе моего разсудка.

ВЕЧЕРЪ XXIV.

Продолженіе исторіи о Кацанѣ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Видя, что еще обязанъ я былъ вольностію Котбедину, понеже убивъ самъ Бальзорскаго Султана, жестокаго моего непріятеля, возвелъ меня паки на престолъ, что не взирая на оказанную мною ему чувствительную неблагодарность, сей воинъ не хотѣлъ оставить меня въ рукахъ злосердаго моего рока, и согласиться на толь полезныя для него отъ Абдармона предложенія. Трепеталъ я отъ ярости, зря себя принужденнымъ показать ему за то благодарность; и сердцемъ моимъ обладавшая мерзостная зависть внушала въ меня наипоноснѣйшія мысли, такъ что твердое положилъ намѣреніе погубить сего Принца подъ видомъ искреннѣйшаго дружества. Я обѣщалъ ему Канцадею въ супружество; я ее ему и отдалъ съ тѣмъ, чтобы онъ отвезъ ее въ Висапуръ, и сочетался бы съ нею не прежде, какъ по прибытіи ихъ въ землю его родителя; а между тѣмъ не упустилъ я ничего къ воспрепятствованію исполненія сихъ обѣщаній. Повелѣлъ корабельному его Капитану бросить Котбедина въ море въ назначенномъ ему отъ меня мѣстѣ, а Принцессу ко мнѣ назадъ привезти, надѣясь, что по смерти ея любовника найду ее не столь упорною мнѣ повиноваться. Видя, что то время, въ которое послѣ толь жестокосердаго исполненія Канцадеѣ надлежало возвратиться, прошло, почувствовалъ въ себѣ неописанное безпокойство, не имѣя о томъ никакого извѣстія; и какъ страсть моя къ сей Принцессѣ тревожила меня без-

безпрестанно, то приказалъ вооружить четыре корабля, и вознамѣрился пуститься по всѣмъ морямъ, чрезъ кои ей должно было ѣхать, дабы увѣдать, что съ нею случилось. Проѣхавъ чрезъ нѣсколько мѣстъ, не могши притомъ узнать желаемаго мною, приказалъ я пуститься къ Дабулу, и намѣреніе мое было такое, чтобы оттуда послать въ Висапуръ освѣдомиться, не пріѣхалъ ли туда Принцъ. Не взирая на мои повелѣнія, какъ вдругъ вѣтръ перемѣнился такъ, что загнаны мы были въ самое море. Буря сдѣлалась столь сильная, что цѣлые восемь дней ежеминутно ожидали смерти, по крайней мѣрѣ мой корабль, которой былъ лучшій; ибо прочіе три можетъ быть поглощены морскими волнами. Наконецъ утихла непогода, и мы начали приходить въ себя нѣсколько, какъ устрашенный кормчій, кликнувъ меня, милостивый Государь! сказалъ мнѣ, мы занесены въ Оманское море, и сколько ни прилагалъ я силы, однако корабль съ крайнею скоростію плыветъ къ острову Рамаку, которой обитаемъ одними чрезвычайно суровыми дикими. Они безъ всякаго милосердія пожираютъ своихъ враговъ, или тѣхъ, кои на острова ихъ заносятся бурею; стремленіе морское влечетъ насъ туда, и намъ нѣтъ никакой надежды того избѣгнуть. Правда, они иногда щадятъ тѣхъ, которые знаютъ какое художество и могутъ ихъ тому научить, и такихъ они не умерщвляютъ, потому что они весьма трудолюбивы и къ ремесламъ чрезмѣрно склонны. Случается, что такимъ людямъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ даютъ они свободу,

Ϭоду, о чемъ мнѣ точно знать можно, потому что по нещастію я уже единожды у нихъ былъ, и отъ смерти спасся только тѣмъ, что былъ у нихъ корабельщикомъ, понеже еще смолоду въ корабельномъ художествѣ упражнялся; и я ихъ научилъ суда строить. Чуть только престалъ кормчій говорить, какъ увидѣли себя окруженными болѣе нежели шестьюдесятью судами, наполненными дикими, которые вскочили къ намъ на корабль, прежде нежели мы въ оборонительное состояніе стали. Отъ претерпѣнныхъ нами отъ бури трудовъ устали мы такъ много, что никто не былъ въ силахъ держать оружія; въ разсужденіи чего дикіе взяли насъ безъ всякаго труда, перевязали насъ веревками, и отвели нашъ корабль въ похожее на гавань мѣсто, гдѣ высадили насъ на берегъ, и посадили въ превеликой изъ досокъ сдѣланной сарай.

Знатнѣйшіе между сими островскими жителями, числомъ восемь, отличались отъ прочихъ по своимъ шапкамъ съ крашеными перьями. Насъ было около ста человѣкъ; они раздѣлили насъ на три части, изъ коихъ одну умертвили, а другія двѣ розданы были по дикимъ. Я съ кормчимъ достались по щастію одному изъ осьми знатнѣйшихъ; и какъ у него запасено было множество всякаго мяса, то мы по щастію избѣгли того безчеловѣчія, съ которымъ поступили съ нашими товарищами, изъ коихъ шестерыхъ задавили, зажарили и при насъ съѣли.

Не безъ ужаса взиралъ я на сіе исполненіе. Какъ кормчій, будучи на семъ острову,

ву два года невольникомъ, имѣлъ время научиться ихъ языку, то уговаривалъ я его предложить нашему хозяину, чтобы онъ взялъ за насъ выкупъ. Онъ началъ тому смѣяться: какой выкупъ хотите, Ваше Величество! дать симъ дикимъ? сказалъ онъ мнѣ; ни злато, ни драгоцѣнныя каменья, ни всѣ богатства Персіи не въ состояніи поколебать сіи варварскія сердца; звѣриная и рыбная ловли составляютъ все ихъ упражненіе и удовольствіе; изъ всѣхъ страстей извѣстны имъ только дружба и ненависть, пребывая до послѣдняго издыханія другъ другу и союзникамъ своимъ вѣрными. Получаютъ ли какое озлобленіе отъ своихъ враговъ, то для отмщенія имъ наижесточайшимъ образомъ на все отваживаются, и величайшее свое удовольствіе полагаютъ въ томъ, чтобы, напавъ на нихъ нечаянно, всѣхъ ихъ побить и съѣсть. Отвѣтъ сей опечалилъ меня чрезвычайно. Съ какимъ ужасомъ взиралъ я на тотъ родъ смерти, къ которому я опредѣлялся! Но кормчій мой старался всячески меня утѣшить, и говорилъ мнѣ такъ: Милостивый Государь! только одно средство знаю я къ спасенію вашей жизни; вчера видѣли вы дочь нашего господина, ей не болѣе пятнатцати лѣтъ; я доведу ее до того, что она васъ полюбитъ; и естьли вы будете такъ щастливы, что ей понравитесь, и она замолвитъ за васъ у своего отца хотя слова два, то онъ приметъ васъ въ свою семью зятемъ; но вамъ необходимо будетъ должно жить согласно съ нравами сего острова, не помышлять уже болѣе о возвращеніи въ Персію, естьли вы не хотите

умереть отъ ужаснѣйшихъ мученій. Я знаю, чего сіе будетъ Вашему Величеству стоить; но чего не дѣлаютъ для избѣжанія отъ смерти, когда она въ толь свирѣпомъ видѣ очамъ нашимъ представляется?

Предложеніе Вагіединово (такъ назывался мой кормчій) привело меня въ такое удивленіе, что не могъ ему ничего на то отвѣтствовать. Молчаніе мое почелъ онъ за сомнительное на то согласіе, и оставилъ меня одного. Рѣчь его произвела во мнѣ толь чувствительную скорбь, что я не примѣтилъ, что уже со мною его не было, и видя себя одного, предался горчайшимъ размышленіямъ. Какъ! сказалъ я тогда самъ въ себѣ, презирая всегда самыми славнѣйшими красавицами всего востока, принужденъ я теперь для спасенія своей жизни припадать къ стопамъ дочери дикаго, такой твари, которая отъ звѣря почти только языкомъ и подобіемъ отличается. Можно ли найти что нибудь ея безобразнѣе и гаже? Праведное небо! къ чему осуждаешь ты меня? Увы! умру; къ чему въ томъ колебаться? къ чему ожидать того времени, когда надлежитъ быть жертвою жестокосердаго начальника, или предметомъ мерзостныхъ желаній его дочери? Но не должно ли мнѣ, продолжалъ я, почитать сіе мое состояніе справедливымъ наказаніемъ, посланнымъ на меня небесами, которыя я теперь на помощь призываю. Преступя послѣднія повелѣнія родителя, которому обѣщалъ оставить совсѣмъ намѣреніе на сестрѣ жениться; изгоняя безпрестанно добродѣтельную сію Принцессу, и будучи толь мерзостнымъ образомъ

неблагодаренъ такому Принцу, которому долженъ жизнію, свободою и бывшимъ моимъ престоломъ, не достоинъ ли я еще строжайшаго наказанія? Не сія ли-то богопротивная любовь завела меня на сей ужасомъ исполненный островъ? Конечно и великій нашъ Пророкъ привелъ меня сюда единственно для очищенія такого преступленія, въ коемъ не имѣю силъ раскаяться довольно.

Я еще не окончалъ сихъ печальныхъ разсужденій, какъ Вагіединъ ко мнѣ возвратился. Я принесъ къ вамъ, милостивый государь! сказалъ онъ мнѣ, хорошія вѣсти; вы молодой нашей госпожѣ не не полюбились; изъ теперешняго моего съ нею разговора можно надѣяться, что она о жизни вашей старается; и какъ скоро она о томъ отцу своему хотя что нибудь скажетъ, то вы избѣгнете конечно судьбины товарищей нашихъ. Ахъ, другъ мой! вскричалъ я тогда, въ какую крайность приведенъ я? Какъ! Ормуцкій Султанъ принужденъ будетъ на чудовищѣ жениться! Нѣтъ, я хочу лучше претерпѣть сто смертей. Кормчій удивился моему отвѣту: милостивый государь! примолвилъ онъ: когда Ваше Величество столь много печалитесь, то конечно не знаете, какимъ образомъ дѣлается бракъ на семъ острову, и какія церемоніи притомъ наблюдаются; естьли о нихъ вамъ разскажу, то увидите, что къ полученію вольности нѣтъ лучшаго способа. То, чего вы столь много страшитесь, то есть жениться на Агаріатѣ, (такъ называется единородная дочь Мишапуя, вашего госпо-

сподина) не такъ скоро сдѣлается. Въ сихъ мѣстахъ находится не мало весьма странныхъ обрядовъ, прежде нежели дойдетъ до совершенія брака, и оные подадутъ намъ можетъ быть случай изъ сего острова выпти. Рѣчь Вагіединова успокоила меня нѣсколько, я началъ дышать паки, когда онъ мнѣ объявилъ, что на семъ островѣ бракъ не съ такими предосторожностями и церемоніями производится, какъ въ Персіи, и что времени на то остается мнѣ еще очень много. И такъ по совѣту сего человѣка, который уже предупредилъ Мишапуя въ склонности дочери его ко мнѣ, пошелъ я на другой день при наступленіи ночи къ Агаріатѣ въ шалашъ, дернулъ ее три раза за носъ, чтобы разбудить; потому что безъ сей церемоніи никакъ не льзя тамъ обойтися. Сія прекрасная дѣвица не сказала мнѣ на то ни слова, а только глядѣла на меня съ усмѣшкою, что могъ я примѣтить потому, что въ рукѣ у меня была не большая свѣчка; и какъ все сіе происходило съ великою предосторожностію, а еще болѣе съ благопристойностію, то послѣ того возвратился отъ ней весьма довольнымъ цѣломудріемъ молодой моей госпожи; и сію церемонію принужденъ я былъ повторять цѣлые два мѣсяца всякую ночь. Какъ во время теченія сихъ ночныхъ любовныхъ свиданій увидѣлъ я, что въ Мишапусевой семьѣ приготовляются умертвить на съѣденіе двухъ изъ моихъ подданныхъ, то положилъ намѣреніе говорить о томъ съ моей невѣстой. Прекрасная Агаріата! сказалъ я ей чрезъ моего кормчаго: всѣ тѣ люди, которые со мною невольниками взяты, мои,

а потому и твои дѣти; я въ землѣ моей ихъ Государь; что сдѣлали они твоему отцу, что съ ними съ такою жестокостію поступаютъ? Естьли ты хотя нѣсколько меня любишь, то сдѣлай, чтобы имъ жизнь даровали; симъ только средствомъ можетъ и моя жизнь сохранится. Между тѣмъ, какъ Вагіединъ переводилъ ей мои слова, проливалъ я слезы; онѣ смягчили Агаріату, и она обѣщалась усладить горесть нещастной ихъ доли; и съ тѣхъ поръ Митапу не велѣлъ изъ нихъ никого умерщвлять, и еще и другихъ своихъ единоземцовъ уговорилъ поступать съ подданными моими съ таковымъ же человѣколюбіемъ.

Въ сколь ни жалостномъ состояніи я находился, и какія размышленія ни дѣлалъ я о зловредной моей страсти; однако не могъ позабыть Канцадеи; и жестокость моя къ Принцу, ея любовнику, умножалась отъ часу болѣе, когда представлялъ себѣ, что безъ него сестра моя можетъ быть согласилась бы на бракъ со мною, и что только онъ одинъ былъ причиною, что я, оставя Ормуцъ, прибитъ былъ къ сему острову.

Въ одну ночь, утомясь отъ дальной ѣзды на звѣриную ловлю, и исполня въ разсужденіи Агаріаты обыкновенныя должности, заснулъ я весьма крѣпко на медвѣжьей кожѣ; всѣ мои злополучія начертались въ умѣ моемъ тѣмъ съ большею живостію, что мнѣ показалось, будто сестра моя держала Котбедина за руку, и взирая на него съ величайшею горячностію, клялась

ему

ему вѣчною любовiю. Пришедъ отъ того въ сильное движенiе, выхватилъ я свою саблю, и хотѣлъ было обоихъ ихъ принесть ненависти и мщенiю моему на жертву, какъ одинъ человѣкъ, который на почтеннаго старца, соединившаго теперь Котбедина съ Канцадеею, во всемъ походитъ, удержалъ мою руку.

ВЕЧЕРЪ XXV.

Продолженiе исторiи о Кацанъ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Постой! сказалъ мнѣ сей человѣкъ съ величественнымъ и повелительнымъ видомъ; Принцъ, котораго хочешь ты лишить жизни, не долженъ отъ тебя погибнуть. Сколь ни великою неблагодарностiю посрамилъ ты себя въ разсужденiи его; однако я увѣдомилъ его, въ какомъ плачевномъ состоянiи ты находишься; онъ только одинъ можетъ свободить тебя отъ онаго, и онъ съ радостiю желаетъ пренебречь еще разъ своею жизнiю за такого измѣнника, который покушался лишить его оной самымъ подлымъ образомъ. Великодушiе его не имѣетъ примѣра, и я хочу наградить его за то, и противу твоего желанiя исторгнуть изъ твоего сердца то злое сѣмя, которое есть началомъ всѣхъ пороковъ, коимъ человѣкъ предается, и кои произходятъ отъ Султана Адама съ самаго его ослушанiя. Тогда сей почтенный старецъ, приближась ко мнѣ, и ударивъ меня въ лѣвой бокъ двулѣзейнымъ ножемъ, разрѣзалъ оный, вынулъ оттуда небольшее съ горошину зернышко,

и бросилъ его въ огонь, который въ шалашѣ у меня горѣлъ. Отъ сего дѣйствія, кое не болѣе секунды продолжалось, почувствовалъ я столь сильную боль, что преужасный крикъ поднялъ. Ватіединъ, услыша оный, тотчасъ проснулся, засвѣтилъ свѣчу, подбѣжалъ ко мнѣ, и нашедъ меня въ пресильномъ движеніи, разсудилъ за благо меня разбудить. Что вамъ, милостивый государь! сдѣлалось? сказалъ онъ мнѣ. Какой ужасный сонъ васъ терзаетъ? Ахъ! не сонъ тому причиною, отвѣчалъ я ему; я смертельно раненъ. Какъ руку держалъ я у сердца, то онъ, освѣщая то мѣсто, пришелъ въ равное моему удивленіе, увидя тамъ въ палецъ продолговатый рубецъ, и который казалось еще не совсѣмъ затянуло; но всегда болѣе удивленіе мое умножалось тѣмъ, что послѣ чувствуемой мною чрезмѣрной боли зловредная страсть моя къ Канцадеѣ погасла въ моемъ сердцѣ; а вмѣсто оной вступила въ оное чистѣйшая и непорочнѣйшая любовь, и смущаясь притомъ, что столь безсовѣстно поступалъ съ Висапурскимъ Принцомъ, почувствовалъ къ нему вдругъ достойное почтеніе и сильнѣйшую благодарность, такъ что весьма много терзался, видя себя въ несостояніи изъявить оную безъ умедленія, давъ ему Принцессу, сестру мою, супругою.

Я помышлялъ безпрестанно о толь странномъ произшествіи, и полагаясь несомнѣнно на обѣщанія сего премудраго старца, жилъ, питаясь пріятною надеждою, что рабство мое скончается вскорѣ, какъ въ одну ночь сей же человѣкъ при-

привидѣлся мнѣ еще, и подавая мнѣ портретъ одной молодой дѣвицы совершенной красы, вотъ, сказалъ мнѣ, та, которая тебѣ опредѣлена супругою. Она-то истребитъ совсѣмъ изъ мыслей твоихъ Канцадею, которой она въ достоинствахъ не уступаетъ. На портретъ сей взиралъ я не безъ удивленія, и дѣйствительно съ самаго того дня не могъ я безъ ужаса вспомнить о той страсти, кою имѣлъ къ Принцессѣ, сестрѣ моей. Я находился въ семъ состояніи, какъ два мѣсяца церемоніала, браку моему предшествующаго, прошли, и Вагіединъ обьявилъ мнѣ, что надлежитъ мнѣ съ Мишануемъ изъясниться.

Слѣдуя его совѣту, пошли мы ночью къ нему въ шалашъ; я его разбудилъ, подалъ ему разкуренную трубку, которую онъ принялъ, и кормчій мой, прося его отъ меня принять меня въ свою семью, и дать мнѣ въ супруги прекрасную Агаріату, получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ сообщитъ о томъ своей роднѣ; послѣ чего далъ намъ знакъ, чтобы мы отъ него вонъ вышли.

Я не могъ сокрыть печали моей отъ кормчаго, хотя онъ и разтолковалъ, что не учиня сей поступки, навлекъ бы на себя и на всѣхъ моихъ подданныхъ гнѣвъ нашего господина; однако горчайшею скорбію терзался. И такъ, сказалъ я ему, необходимо должно мнѣ на Агаріатѣ жениться? Сколь я нещастливъ! Для чего не допустилъ ты меня погибнуть съ начала невольничества нашего? Смерть была бы для меня

во сто кратъ пріятнѣе такого союза, къ которому я только единое омерзѣніе чувствую. Милостивый государь! сказалъ на то Ваiединъ, положимъ, что въ непродолжительномъ времени сочетаетесь вы съ сею дѣвицею; но развѣ вы позабыли, что для того не принуждены вы жить съ нею такъ, какъ мужъ съ женою? Перестаньте безпокоиться, и вспомните о томъ, что уже я вамъ не единожды говаривалъ, что здѣсь совсѣмъ иначе, нежели въ Персіи думаютъ. Весьма трудно повѣрить, сколь далеко простираютъ на семъ острову воздержаніе. Хотя по тамошнимъ законамъ женатый человѣкъ и можетъ пользоваться правами своими, спустя четыре дни послѣ свадьбы; однако тамъ въ обыкновеніи также не сходиться съ женою прежде шести мѣсяцовъ, или и болѣе; воздержаніе сіе почитаютъ здѣсь явнымъ знакомъ къ ней почтенія; да когда и по прошествіи сего времени новобрачные живутъ въ одномъ шалашѣ, то они и тогда не говорятъ ничего между собою, или говорятъ все съ сердцемъ и съ бранью; потому что они думаютъ, что цѣломудріе требуетъ сей благопристойности; взаимную же любовь начинаютъ они оказывать уже въ исходѣ года.

Таковыя увѣренія о обрядахъ островскихъ жителей нашихъ успокоили меня нѣсколько; и какъ родственники Машапуевы удостоили меня принятіемъ въ свое родство, то необходимо надлежало мнѣ на Агаріатѣ жениться. Я не упоминаю о пріятномъ описаніи сей церемоніи, которая бы вамъ конечно навела скуку; стран-

нагo

наго же притомъ было только то, что у новобрачной волосы намазаны были медвѣжьимъ саломъ, и что измазали у меня лице и тѣло такъ, чтобы я ужаснаго виду казался.

Все сказанное мнѣ кормчимъ было истинно; неласковость мою къ молодой моей супругѣ почли за весьма велико и за особливой знакъ истиннаго почитанія той семьи, въ которую я вступалъ; и сіе привело меня у дикихъ въ великое почтеніе, и по моему примѣру всѣ мои подданные были приняты въ разныя семьи.

Спустя недѣли съ двѣ послѣ моего брака, одинъ изъ начальниковъ сего народа созвалъ всѣхъ знатнѣйшихъ особъ между оными къ себѣ на пирушку, на которую и я съ Мишапуемъ приглашенъ былъ. Тамъ объявилъ онъ намъ, что онъ увѣдомился, что другой дикій народъ находится въ походѣ для нападенія на нихъ, и что въ разсужденіи того надлежитъ симъ врагамъ итти на встрѣчу и стараться напасть на нихъ нечаянно. Сіи народы, какъ-то уже сказывалъ мнѣ Вагіединъ, любили войну смертельно; и понеже они иной страсти не имѣютъ, какъ только чтобы огню и мечу предать все у тѣхъ, кои ихъ озлобили, то легко разсуждать можно, что предложеніе сіе принято было съ чрезмѣрною радостію. Положили выти въ поле на другой же день; и какъ Мишапу привелъ меня въ сіе собраніе вмѣстѣ съ Вагіединомъ, то я чрезъ сего моего толмача просилъ ихъ о позволеніи за ними слѣдовать въ семъ походѣ, и чтобы подданные мои, которыхъ числомъ было около три-

цати человѣкъ, сражались съ ихъ непріятелями подъ моимъ предводительствомъ. Они на требованіе мое согласились; отдали имъ наше оружіе, которое во время нашего рабства было у насъ отнято; я ихъ уговорилъ также взять сабли тѣхъ персонъ, кои на острову у нихъ погибли, и простясь съ Агаріатою, отправился съ островскими жителями, которыхъ числомъ до пяти сотъ было.

По шестидневномъ походѣ увѣдомились мы отъ своихъ гонцовъ, что они въ прошедшую ночь весьма великое движеніе въ небольшемъ лѣсу слышали, и что вокругъ онаго видѣли они огонь. Извѣстіе сіе побудило насъ остановиться. Собрали совѣтъ; и какъ между нами и нашими непріятелями была весьма дурная дорога, то я чрезъ Вагіедина предлагалъ имъ, чтобы непріятелей допустить зайти въ сей узкой проходъ, чрезъ который имъ необходимо итти надлежало, чтобы войско наше раздѣлить на двѣ части, взойти на находящіеся въ томъ мѣстѣ пригорки, лежать тихо, а потомъ напасть на нихъ со всѣхъ сторонъ. Предложеніе мое было принято, и съ такимъ успѣхомъ исполнено, что изъ осьми сотъ на насъ нападающихъ спаслось не болѣе пятидесяти человѣкъ. Правда, что пришедъ въ удивленіе, видя дѣйствіе нашихъ саблей, и какое кровопролитіе произвели мы въ толь короткое время, оробѣли они тотчасъ, и послѣ легко было намъ управляться съ устрашившимися людьми, которые, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженными, лишились надежды отъ жестокости враговъ своихъ избѣгнуть.

Какъ

Какъ подданные мои, коими я предводительствовалъ, производили великiя чудеса храбрости, и дикiе наши почитали ихъ первыми начальниками одержанной ими совершенной побѣды, то истощали они на насъ всѣ свои ласки и удивленiе. Сей благополучной день праздновали мы пѣнiемъ и плясками, и взявъ съ собою полученную отъ непрiятеля добычу, возвратились къ нашему жилищу. Пришедъ къ небольшему лѣсу, вознамѣрились препроводить тамъ ночь, и находясь въ совершенной безопасности, предались тамъ въ объятiя спокойнаго сна. Я спалъ довольно спокойно, и кормчiй мой лежалъ подлѣ меня, какъ вдругъ почувствовали мы оба, что насъ схватили за руки и за ноги; насъ потащили и унесли, такъ что никто изъ товарищей нашихъ того не слыхалъ; несли же насъ съ чрезвычайною скоростiю. Я не зналъ, что думать о таковомъ приключенiи, какъ на разсвѣтѣ увидѣлъ себя въ рукахъ у непрiятелей нашихъ, и я узналъ, что двенатцать человѣкъ изъ нихъ предпрiяли и исполнили толь отважное и дерзское намѣренiе.

ВЕЧЕРЪ XXVI.

Продолженiе исторiи о Кацанъ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Легко можно познать о нашей скорби и радости, которую сiи дикiе чувствовали, видя насъ въ своихъ рукахъ; они связали насъ претолстыми веревками, и потащили насъ съ того мѣста съ великою скоростiю. Такимъ образомъ препроводили мы въ пути четверы сутки, по

по прошествіи которыхъ неподалеку отъ ихъ жилища послали одного дикаго о объявленіи тамъ о нещастномъ своемъ возвращеніи, и дожидались, чтобы всѣ ихъ одноземцы вышли къ нимъ настрѣчу. Легко можно понять, въ какомъ состояніи мы съ Вагіединомъ находились; но страхъ мой еще болѣе умножился, когда увидѣлъ я, что всѣ тамошніе дикіе сбѣжались къ намъ съ преужасным крикомъ, и жены и дѣти держали въ рукахъ каменья въ томъ намѣреніи, чтобъ насъ побить оными. Уже подняли они руки, какъ старѣйшій изъ приведшихъ насъ далъ имъ знакъ рукою, чтобъ они отъ того удержались. Посмотрите хорошенько на сихъ двухъ человѣкъ, сказалъ онъ имъ; они на насъ почти ни мало не походятъ; со всемъ тѣмъ мужества ихъ не можно никакъ описать. Съ небольшимъ числомъ подобныхъ имъ людей преклонили они побѣду на свою сторону, погубили вашихъ родителей, мужей, братьевъ, дѣтей; и мы никогда не могли бы имѣть ихъ у себя въ рукахъ, естьли бы не употребили хитрости и не схватили ихъ нечаяннымъ образомъ. На нихъ только одихъ должно отмщевать вамъ смерть толикаго числа славныхъ людей, которые единственно отъ ихъ ударовъ погибли; и такъ утушите на нѣсколько дней печаль свою, дабы наказать ихъ достойнымъ по причиненному намъ ими озлобленію образомъ. Рѣчь сія смягчила ярость дикихъ и избавила насъ отъ смерти; они не только не сдѣлали намъ ничего худаго, но еще насъ развязали, отвели насъ въ одинъ шалашъ, которой отдали намъ на жительство; но приставлено къ намъ было нѣ-

нѣсколько человѣкъ для караулу, и всякой день по дважды приносили къ намъ сухой рыбы.

Примѣтя въ Вагіединѣ великую печаль, спрашивалъ я его о причинѣ оной: милостивый государь! сказалъ онъ мнѣ, съ сего дня должны мы почитать себя нещастными жертвами, опредѣленными на закланіе; непріятели наши не знаютъ никакого милосердія, и мщеніе ихъ насыщается только кровію тѣхъ нещастныхъ, которыхъ они жесточайшими мученіями умерщвляютъ. Тогда, пересказавъ мнѣ говоренную дикими рѣчь, не думайте, милостивый государь! продолжалъ онъ, чтобы мы еще долго жизнію наслаждались; мы опредѣлены къ претерпѣнію казней, изысканныхъ толь ухищреннымъ варварствомъ, что ничего ужаснѣе оныхъ выдумать не можно; вся моя твердость меня оставляетъ; когда о томъ помышляю, то трепещу отъ ужаса, а особливо, бывъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ оныхъ въ то время, какъ въ первой разъ у прежнихъ нашихъ дикихъ въ плѣну находился.

Хотя рѣчь моего кормчаго и потревожила меня немало; однако скоро собрался съ силами. Вагіединъ! сказалъ я ему, ободрись, мы конечно не умремъ у сихъ варваровъ; великій нашъ Пророкъ увѣрилъ меня въ томъ точно: защищенія его ношу на сердцѣ моемъ явный знакъ: исторгнувъ изъ души моей ту мерзостную страсть, которая всѣхъ бѣдствій моихъ причиною, объявилъ онъ мнѣ, что еще разъ буду обязанъ жизнію Висапурскому Принцу; и хотя мнѣ и безъизвѣстно, какимъ образомъ можетъ

послѣ-

послѣдовать толь чрезмѣрное вспомоществованіе; однако ни мало не долженъ я сомнѣваться возчувствовать вскорѣ дѣйствія онаго.

Не взирая на пятно, которое у меня надъ сердцемъ было, и на которое Вагіединъ съ крайнимъ взиралъ удивленіемъ, вѣрилъ онъ чуду сему столь мало, что предавался часто горчайшей скорби. Наконецъ по прошествіи около двухъ недѣль пребыванія нашего у сихъ варваровъ объявили намъ что вскорѣ станутъ насъ жарить. Сіе увѣдали мы слѣдующимъ образомъ: на канунѣ того дня, въ которой казнь наша долженствовала происходить, пришли къ намъ въ шалашъ, и взявъ насъ оттуда, навязали намъ на шею предлинную изъ хлопчатой бумаги сдѣланную веревку, раздѣли насъ до нага; и нѣсколько женщинъ, разрисовавъ у насъ тѣло, и навѣся на насъ разноцвѣтныя украшенія, подняли преужасный крикъ, пѣніе и пляску; онѣ объявили намъ, что на завтрашній день будемъ мы служить имъ вмѣсто пищи, и чтобы потому пріуготовлялись мы къ смерти со всею тою твердостію, каковую подобные намъ мужественные люди должны показывать. Признаюсь, милостивыя государыни! что не безъ крайняго прискорбія взиралъ я на приближеніе своего конца, и начиналъ уже въ покровительствѣ Пророка нашего нѣсколько сомнѣваться. Всю ту ночь стерегли насъ накрѣпко; безпокойство Вагіединово усугубляло еще болѣе мои скорби; однако старался всячески его утѣшать и увѣщавалъ его предаться совсѣмъ всесильному Провидѣнію, ко-

торое насъ до сихъ поръ еще не покидало, какъ нечаянно, взглянувъ на его одежду, которую дикіе подлѣ насъ положили, увидѣлъ въ карманѣ книгу. Не знаю по какой причинѣ я ее вынялъ; но усмотря, что-то былъ морской его атласъ, въ которомъ, выключая картъ, находились разныя Астрономическія примѣчанія, началъ пересматривать оный, власно какъ будто какимъ внушеніемъ свыше; и нашедъ въ примѣчаніяхъ, что въ томъ мѣсяцѣ, въ которой нещастіе наше съ нами произходило, надлежало быть затмѣнію почти всего солнца, спрашивалъ я кормчаго, не знаетъ ли онъ, которое число тогда было. Знаю, милостивый государь! сказалъ онъ мнѣ: я, опасаясь въ томъ обмануться, замѣчалъ то всякой день. Тогда разсмотря подробно сіе примѣчаніе, дошли по изчисленію, что сіе затмѣніе должно возпослѣдовать на завтрашній день около двухъ часовъ по полудни. Сіе привело меня въ несказанную радость; я увѣрился точно, что сіе открытіо для меня не тщетно, и изъясня мысли мои Ватіедину, научилъ его, какимъ образомъ употребить то себѣ въ пользу.

Чуть только стало разсвѣтать, какъ дикіе, пришедъ къ намъ въ шалашъ, и выведя насъ изъ онаго, оный разорили, сняли у насъ съ шеи веревки, обвязали насъ оными вкругъ пояса, и по нѣскольку человѣкъ изъ сихъ варваровъ, держа ихъ за концы, вели насъ, бѣгучи даже до морскаго берега, подлѣ котораго остановились на одной большей площади, на коей

весь

весь тотъ народъ насъ съ нетерпѣливостію дожидался; привязали насъ къ столбу, и въ пятидесяти шагахъ отъ насъ зажгли огонь, которой, показалось мнѣ, представлялъ то божество, коему они насъ на жертву приносили. Тогда одинъ изъ дикихъ, вооруженный палицею, держимою имъ на плечѣ, говорилъ намъ такъ: вы ли тѣ, которыхъ унесли отъ враговъ нашихъ, и которые толико родителей и дѣтей нашихъ порубили? Въ томъ не можете вы никакъ запираться. А понеже нынѣ находитесь вы въ рукахъ нашихъ, то пріуготовляйтесь къ заслуженнымъ вами мученіямъ. Члены ваши будутъ жарены по частямъ, и мы поѣдимъ ихъ и съ косточками. Сколь ни устрашился Ватіединъ толь жестокосердымъ угроженіемъ; однако по даннымъ мною ему наставленіямъ отвѣтствовалъ имъ слѣдующимъ образомъ: естьли вы украли насъ у вашихъ непріятелей, то изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы и мы были ваши непріятели. Будучи принуждены сражаться за тѣхъ, съ которыми мы были, надлежало намъ необходимо или отъ палицъ ихъ погибнуть, или обратить на васъ оружіе наше. И такъ не намъ должны вы приписывать смерть вашихъ братьевъ, и весьма не справедливо бы было отмщевать оную надъ нами; въ томъ свидѣтельствуюсь я тѣмъ солнцемъ, которое васъ освѣщаетъ, и которое вамъ дало огонь, коему вы кажется покланяетесь; естьли же вы будете упорствовать въ погубленіи насъ, то его именемъ вамъ объявляю, что вскорѣ почувствуете весь гнѣвъ его, и что блестящее сіе свѣтило, дабы доказать вамъ,

вамЪ, какое участіе пріемлетЪ оно вЪ спасеніи нашей жизни, покроетЪ вскорѢ всю сію страну претемнымЪ мракомЪ; отложите же казнь нашу до тѢхЪ порЪ, пока не совершитЪ оно двухЪ третей обыкновеннаго своего пути; и естьли я вамЪ не истинну обЪявляю, то умножьте пріуготовляемыя вами намЪ мученія; когда же сей отецЪ свѢта защититЪ невинность нашу толь видимымЪ образомЪ, то страшитесь величайшихЪ нещастій, каковыя только приключиться могутЪ, естьли не возвратите намЪ свободу.

РѢчь Вагіединова удивила крайнѢ дикихЪ: увѢрительный видЪ, сЪ которымЪ онЪ сіи слова произносилЪ, привелЪ ихЪ вЪ страхЪ; они удалились отЪ насЪ на нѢсколько минутЪ; и по окончаніи своего совѢта старѢйшина ихЪ, подошедЪ кЪ намЪ, сказалЪ Вагіедину: твоя и товарища твоего казнь отложена до того часа, вЪ который обЪявляемое тобою должно воспослѢдовать; но естьли ты насЪ обмануть хочешь, то ожидайте оба еще жесточайшихЪ мученій. Тогда оставя насЪ вЪ томЪ же состояніи, вЪ какомЪ мы находились, начали они плясать, пѢть и пиршествовать, при чемЪ хмѢльные напитки не щажены были. НаконецЪ уже предсказанное время приближалось, какЪ дикіе, лишась всякаго терпѢнія, отвязали насЪ отЪ столба, обвиняли Вагіедина лжесвидѢтельствомЪ, и взведя насЪ на кавѢсЪ, сдѢланный надЪ огнемЪ, зажженнымЪ ими еще сЪ утра, привязали насЪ тамЪ за руки кЪ шесту, и обернули насЪ березовою коркою сЪ тѢмЪ, чтобЪ зажечь, и нескоростію огня предать насЪ крайнѢ томной и жестокой смерти. Уже плачев-

ный сей мигъ наступалъ, и начальникъ ихъ, держа въ рукѣ зажженную кожу, хотѣлъ приступить къ жертвоприношенію, какъ Вагіединъ закричалъ ему весьма страшнымъ голосомъ: смотри, нещастный невѣрный, смотри, уже Богъ отмститель невинныхъ пріуготовился поразить весь народъ твой; воззри на небо, и познай осужденіе твое. Дикіе, взглянувъ тогда на солнце, пришли въ неизреченный ужасъ, видя, что по предсказанію кормчаго небо нечувствительно затмѣвается, и что земля ужаснѣйшимъ покрывается мракомъ.

ВЕЧЕРЪ XXVII.

Конецъ исторіи о Кацанъ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Во время затмѣнія, которое болѣе трехъ часовъ продолжалось, всѣ дикіе лежали на землѣ безъ малѣйшаго движенія. Сколь велико было ихъ удивленіе, когда они по прошествіи мрака, вставъ, увидѣли вдругъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ, которые на нихъ совсѣмъ не были похожи, и которые напали на нихъ съ мечемъ въ рукахъ. Почитая непріятелей сихъ посланными отъ дневнаго свѣтила, кое они по мнѣнію ихъ въ разсужденіи насъ весьма много озлобили, не старались они защищаться, но попустили порубать себя безпрекословно.

Вагіединъ взиралъ на второе сіе произшествіе почти съ тѣмъ же великимъ удивленіемъ, какъ и дикіе; что же до меня касается, то я, наполненъ будучи обѣщаніями великаго нашего Пророка, удивлялся тому не столь много. Сими при-

пришедшими ко мнѣ на помощь храбрыми воинами предводительствовалъ Котбединъ, который, повелѣвъ отвязать меня отъ шеста, приказалъ учинить то же и съ кормчимъ. Князь! сказалъ я ему, познай въ семъ плачевномъ состоянiи неблагодарнаго Государя, котораго ты не только ненавидѣть имѣешь право, но коего смерть кажется для тебя нужною для удовлетворенiя раздраженной твоей любви. Султанъ Ормуцкiй! отвѣтствовалъ мнѣ Висапурскiй Принцъ, обнимая меня съ горячностiю: я познаалъ тебя тотчасъ, и единственно для освобожденiя тебя отъ предстоящей тебѣ опасности присталъ къ берегамъ симъ. Весьма много времени потребно было бы для изтолкованiя тебѣ сего приключенiя, но теперь то излишно. Удалимся на корабль мой, дабы ты хотя нѣсколько могъ собрать силы, въ которыхъ истощенное твое тѣло толикую необходимость чувствуетъ. Мы пошли къ берегу, какъ Вагiединъ, увидя, что жены дикихъ и ихъ дѣти, которыя солдатами порублены не были, лежали еще на землѣ; нещастные! кричалъ онъ имъ, встаньте и возвратитесь въ свои шалаши: не позабудьте претерпѣннаго вами теперь наказанiя, воспитайте дѣтей своихъ по правиламъ человѣколюбiя, и ужасомъ наполненными жестокостями не озлобляйте болѣе то Всевышнее Существо, которое отмстило вамъ за насъ за то мученiе, къ коему вы насъ приуготовляли. Рѣчь сiя ободрила нѣсколько сихъ смущенныхъ бѣдныхъ женъ; онѣ встали съ трепетомъ и побѣжали къ своему жилищу, а мы между тѣмъ дошли до того мѣста, гдѣ Котбединовъ корабль насъ дожидался.

дался. Но прежде, нежели вступилъ я съ Вагіединомъ на оный, омылись мы отъ оскверненія, потому что жены дикихъ вымазали намъ все тѣло разными красками; послѣ чего Принцъ далъ намъ пристойную одежду, и мы взошли на корабль, на которомъ нашли все то, что къ прохлажденію нашему потребно было.

Я не буду пересказывать вамъ, милостивыя государыни! о той благодарности, которую Котбедину старался я показать, ниже о увѣреніи его, что страсть моя къ Канцадеѣ совсѣмъ погасла; но скажу вамъ только то, что, переѣхавъ съ немалою скоростію чрезъ безъизвѣстныя намъ моря, вошли въ Аравійское, и благополучнымъ вѣтромъ доѣхали до самаго Камбая, гдѣ вознамѣрились объявить себя купцами, и только съ шестью невольниками пристали въ караванъсераль сего города. Начальникъ онаго далъ намъ преизрядную комнату, и пригласилъ насъ съ собою отужинать. Мы не хотѣли ему въ томъ отказать. Столъ препроводили весьма весело, и пили весьма хорошія вины, отъ которыхъ мы можетъ быть опьянѣли, или во снѣ нашемъ есть нѣчто сверъхъестественное, потому что въ сіи великолѣпные чертоги перенесены мы безъизвѣстнымъ намъ образомъ, и по щастію нашему обрѣтаемъ въ оныхъ окончанія бѣдствій нашихъ.

Султанши были весьма много тронуты плачевными обстоятельствами, въ которыхъ Персидскій Султанъ находился. Радость ихъ была также чрезмѣрна, видя, что Котбединъ заведенъ

въ

въ жилище ихъ для скончанія сердечныхъ мученій Канцадеи. Иногда разсуждали онѣ о данныхъ ей Кофробомъ увѣреніяхъ, что она конецъ своихъ злополучій увидитъ вскорѣ; воспоминали онѣ о заведеніи Альбаерта въ Ормуцъ, о возвращеніи зрѣнія Абулъ-Ассаму; и хотя слова Персидскаго Султана вразумляли имъ, что престарѣлый Иманъ споспѣшествовалъ выздоровленію духа и сердца Кацанъ-Каня; однако не могли того себѣ представить, чтобы сей старецъ приводилъ все къ окончанію глубокимъ знаніемъ самыхъ вышнихъ наукъ, и тою властію, которую онъ надъ духами всякаго рода имѣлъ.

Уже наступала полночь; и сколь ни великое желаніе имѣли Султанши знать, какимъ средствомъ Висапурскій Принцъ вышелъ изъ рукъ морскихъ разбойниковъ, и какимъ образомъ могъ онъ спомоществовать Султану въ толь удобное время; однако принуждены были отложить то до другаго дня. Въ разсужденіи чего всѣ разошлись, и ночь препроводили въ великомъ спокойствіи, выключая Кацанъ-Кана. Портретъ, показанный ему во снѣ во время бытности его у дикихъ, впечатлѣлся въ сердцѣ его столь сильно, что оный ни на минуту не выходилъ у него изъ мыслей; и ему показалось, что образъ, съ котораго оный былъ списанъ, видѣлъ въ сихъ чертогахъ, взглянувъ на одну молодую дѣвицу, которая покрыта была фатою, коя при окончаніи исторіи Султановой съ нее спала. Онъ былъ вдругъ толь прельщенъ красотою прелестной Аку,

дочери Огуцовой и Гегернациной (ибо она показана была Принцу сему во снѣ), что онъ, воспоминая о ней, пребывалъ въ глубочайшемъ изумленіи.

Какъ Кацанъ-Канъ не былъ точно увѣренъ, смертная ли то, или изъ числа тѣхъ духовъ, которые иногда являются людямъ, то всю ночь въ пресильномъ препроводилъ волнованіи. И такъ для объясненія своихъ сомнѣній далъ знать приставленнымъ къ нему невольникамъ, что онъ нетерпѣливо желаетъ говорить съ тѣмъ почтеннымъ старцемъ, котораго онъ въ чертогахъ всякой день видѣлъ. Кофробъ, увѣдавъ о намѣреніяхъ Султановыхъ, пришелъ къ нему немедленно. Милостивый государь! сказалъ ему Принцъ, обнимая его колѣна: не думай, чтобы почиталъ я тебя простымъ человѣкомъ. Чудесныя приключенія, которыя со мною происходили, и въ коихъ ты наибольшее имѣешь участіе, заставляютъ меня почитать тебя благодѣтельнымъ духомъ, или такимъ мудрецомъ, коему во всемъ естествѣ нѣтъ ничего невозможнаго. И такъ по неописаннымъ тобою мнѣ оказаннымъ милостямъ не безъизвѣстно тебѣ конечно, что въ сердцѣ моемъ происходитъ. Султанъ Ормуцкій! сказалъ Кофробъ съ важнымъ видомъ, обнимая Кацанъ-Кана; все, что ни казалось тебѣ сномъ, есть самая истинна. Конечно я исторгъ изъ сердца твоего то мерзкое сѣмя, которое въ людяхъ только лишь поносныя раждаетъ страсти. Моимъ предстательствомъ позволилъ нашъ великій Пророкъ, чтобы ты началъ слѣдовать здравому

разсу-

разсудку, и по его позволенію показалъ я тебѣ портретъ той прекрасной особы, которая нынѣ всѣхъ безпокойствъ твоихъ причина. Естьли взоръ ея сразилъ тебя жестоко, то знай, что и твой образъ произвелъ въ ней не менѣе смятенія. Она будетъ твоя супруга, сіе только могу тебѣ сказать теперь; а ты старайся почтительными взглядами своими показать ей чувства твоего сердца. Впрочемъ не отягощай своего ума узнать, гдѣ ты находишься, и кто въ мѣстахъ сихъ обитаетъ; все то узнаешь ты, когда придетъ время, и та минута, въ которую долженъ быть союзъ сей, коего ты съ толикою нетерпѣливостію желаешь, уже приближится весьма скоро.

По семъ Иманъ отъ него возвратился, не дождавшись отъ него благодаренія; и Кацанъ-Канъ приведенъ былъ сими обѣщаніями въ такую радость, что побѣжалъ въ покой къ Висапурскому Принцу для объявленія ему сей толь пріятной вѣсти. Котбединъ и Канцадея принимали въ удовольствіи его всевозможное участіе; и радость, упояя сердца всѣхъ сихъ сотоварищей, наполнила для нихъ весь тотъ день неописанными утѣхами. А какъ часъ къ собранію наступилъ, то всѣ въ опредѣленную сошлись залу, и Султанши просили Висапурскаго Принца, чтобы онъ разсказалъ имъ о всемъ приключившемся съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ попался къ морскимъ разбойникамъ въ руки; въ разсужденіи чего началъ онъ говорить такъ:

ВЕЧЕРЪ XXVIII.

Исторія о Висапурскомъ Принцѣ.

По претерпѣнныхъ мною трудахъ въ сраженіи, которое по неволѣ принужденъ я былъ имѣть съ корабельнымъ Капитаномъ и съ его подкомандующими, кои повелѣнію Ормуцкаго Султана неотмѣнно хотѣли повиноваться, и на которомъ погибъ бы я несомнѣнно, естьли бы не получилъ неожидаемаго вспомоществованія, не чаялъ я по продолжающемся болѣе полусутокъ моемъ снѣ, чтобы, такъ сказать, въ оковахъ находился. Сіе терзало меня тѣмъ наипаче, что, разлученъ будучи отъ драгайшей Канцадеи, увѣдалъ, что она по раздѣлу досталась самому свирѣпому изъ всѣхъ тѣхъ морскихъ разбойниковъ. Не могу, милостивыя государыни! изъяснить вамъ, сколь велико отчаяніе мое было; однимъ словомъ, я впалъ отъ того въ такую задумчивость, что всѣ съ часу на часъ смерти моей ожидали. Корабельный нашъ начальникъ, который Ахабаертомъ назывался, увѣдавъ о моей породѣ и о любви отъ подданныхъ Кацанъ-Кановыхъ, попавшихся въ половъ со мною вмѣстѣ, прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы мнѣ ни въ чемъ не было недостатка. Онъ не упускалъ ни единаго случая, которымъ хотя нѣсколько утѣшить меня чаялъ. Милостивый государь! сказалъ онъ мнѣ, вы съ сей минуты свободны; и естьли вамъ угодно, то всевозможныя употреблю силы, чтобы догнать того разбойника, который увезъ у васъ Канцадею, и принужу отдать ее вамъ, или самъ погибну,

въ

вЪ чемЪ всѣмЪ святѣйшимЪ вЪ свѣтѣ заклинаюсь. Великодушный АхабаертЪ! сказалЪ я ему, какою благодарностію обяжешь ты меня себѣ на вѣки! АхЪ! естьли толь великую окажешь мнѣ услугу, то знай, что ничего для тебя не пожалѣю. Не станемЪ же терять болѣе время, каждая минута для меня весьма драгоцѣнна, и малѣйшее медленіе ввергаетЪ меня вЪ жестокое мученіе. И такЪ, не мѣшкавЪ, оборотили корабль кЪ той сторонѣ, вЪ которую разбойникЪ поѣхалЪ; и плавая нѣсколько дней сЪ великою скоростію, увидѣли одно судно, которое на насЪ шло прямо, и которое вЪ самомЪ дѣлѣ то самое было, за коимЪ мы погнались. Мы тотчасЪ кЪ нему приближились, и не нашедЪ на ономЪ Принцессы, уже пріуготовлялись броситься сЪ печали вЪ море, какЪ кЪ величайшему удовольствію увѣдалЪ, какимЪ образомЪ АльбаертЪ, убивЪ разбойника, присталЪ сЪ ПринцессоюЪ вЪ ДабулЪ, заплатя тамЪ корабельщикамЪ восемдесять тысячь золотыхЪ выкупу за Канцадею и за всю ея свиту.

Тогда отправились мы немедленно вЪ ДабулЪ, и уже не болѣе, какЪ на шестьдесятЪ миль отЪ мѣста сего отдалены были, какЪ вдругЪ возстала пресильная буря, загнала насЪ вЪ море, и нося корабль нашЪ дней сЪ пять по волнамЪ, бросила его на мѣль, о которой онЪ и разбился. Всѣ на кораблѣ бывшіе погибли, только я сЪ АхабаертомЪ спаслись, схватясь за доску, на которой мы верстЪ за десять отЪ того мѣста прибиты были кЪ одному острову, куда

пришли почти при смерти отъ голода и усталости. Прошедъ хотя и съ великимъ трудомъ нѣсколько внутрь острова, увидѣли мы, что на ономъ никакого нѣтъ жилья, и нашли тамъ только великое множество пчелъ и козъ, кои довольно ручными казались. Первыя въ тотъ же день подали намъ пищу, отъ которой желудокъ нашъ хотя нѣсколько оправился; другія же, выключая молока, коимъ онѣ насъ въ изобиліи снабдѣвали, довели насъ до одного самою свѣжею и чистою водою наполненнаго источника, потому что оный изтекалъ изъ подъ камня, лежащаго на самой крутизнѣ горы, сѣверному вѣтру подверженной.

Сіе служило намъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что по крайней мѣрѣ нашли, чѣмъ питаться въ толь дикомъ мѣстѣ, и препроводя ночь подлѣ сей горы, начали предаваться во власть Провидѣнія, какъ наступающій день, казалось, вдругъ померкъ. Сіе преобращеніе привело насъ въ немалый ужасъ; но оный умножился еще болѣе отъ такого крика, коего никакъ не могу описать, и мы находились въ неизреченномъ изумленіи, видя, что оный произходилъ отъ полета одной птицы, которая болѣе слона была; что сіе чудовище сѣло отъ насъ шаговъ за сто, и схватя въ когти свои по козѣ, полетѣло опять прочь чрезъ море, и вскорѣ скрылось у насъ изъ виду.

Ахабаертъ не могъ ни одного слова промолвить; что же до меня касается, то сіе удивляло меня не столь много, почитая, что

сія

сія ужасная птица есть та, которую Рокгою называютъ, и про которую слыхалъ я очень часто; однако считалъ ее въ одномъ токмо воображеніи нашихъ писателей романовъ; почему смотрѣлъ на нее съ крайнимъ вниманіемъ. Какъ мы на семъ острову жили почти цѣлой мѣсяцъ, и Рокгъ всякіе два дни таскалъ обыкновеннымъ образомъ козъ, то сіе внушило въ меня странную мысль, которую я открылъ Ахабаерту, и которую онъ также похвалилъ, хотя отъ оной и великія опасности могли возпослѣдовать. Слѣдуя моему предложенію, изрѣзали мы холстъ съ нашихъ челмъ и верьхнее наше платье въ ремни, которыми бы свободно могли привязать себя крѣпко къ козѣ. Отогнавъ ихъ однимъ вечеромъ отъ того мѣста, гдѣ Рокгъ обыкновенно саживался, оставили тамъ только двѣ, къ которымъ привязали себя накрѣпко, и въ такомъ состояніи ожидали птицы съ нетерпѣливостію, смѣщенною съ страхомъ. Она въ обыкновенный часъ прилетѣла, и подхватила насъ съ нашими козами, власно какъ бы несетъ только двухъ воробьевъ. Какою неустрашимостію притомъ ни вооружался; однако признаюсь, что не безъ крайняго ужаса взирали мы на возвышеніе наше почти до самыхъ облаковъ, и на пролетѣніе чрезъ толь великое пространство водъ. Напослѣдокъ около вечера спустилась она на одну гору, и положила тамъ козъ, которыхъ она въ когтяхъ своихъ задавила. Какъ сія птица, положа ихъ, пошла сама по видимому искать своихъ дѣтенковъ, то мы, пользуясь симъ случаемъ, разпутали покромки, которыми къ козамъ при-

вязались, и удалились отъ сего мѣста; послѣ чего, поѣвъ меду, котораго мы съ собою взять не позабыли, спрятались за горку для препровожденія тамъ ночи. Уже пріуготовлялись насладиться сномъ, въ коемъ великую имѣли мы нужду, какъ, выдергивая вкругъ себя небольшія деревцы, которыя мѣшали мнѣ лежать покойно, увидѣлъ нѣчто блестящее. Я туда подошелъ, и посредствомъ луннаго сіянія примѣтилъ, что то было золотое кольцо, ввернутое въ лежачую дверь; я ее поднялъ, и увидя подъ оною лѣсенку, освѣщенную хрустальными лампадами, наполненными благовоннымъ масломъ, пошли мы оба безъ всякой остановки внизъ; но чуть только переступили нѣсколько ступенекъ, то въ немалое приведены были безпокойство, услыша, что дверь съ великимъ стремленіемъ за нами прихлопнула. Однако, послѣдуя предпріятому нами намѣренію, пришли мы въ залу удивленія достойнаго великолѣпія, для украшенія которой всякія драгоцѣнныя каменья обильно истощены были. На четырехъ пребольшихъ изъ самаго чистаго золота подсвѣшникахъ поставлены были лампады, отъ которыхъ толь великій свѣтъ происходилъ, что самый ясный день представляло; а въ одномъ углу сей залы сдѣланъ былъ великолѣпный кабинетъ, въ коемъ стояли двѣ постели изъ унизаннаго жемчугомъ бархата. Какъ мы весьма утомились, то легши на оныя, заснули весьма крѣпко, и пробудились уже на самомъ разсвѣтѣ отъ пѣнія множества птицъ, посаженныхъ въ одномъ великолѣпномъ птичникѣ. Перья на нихъ были столь различны и прекрасны, что не

могли

могли смотрѣть на нихъ безъ удивленія, какъ отъ пріятнаго сего позорища отвращены мы были разговоромъ двухъ человѣкъ, которыхъ я не видалъ. Конечно, милостивый государь! произносилъ одинъ изъ сихъ голосовъ, Султанъ Ормуцкій находится на островѣ Рамакѣ. Мнѣ то извѣстно, отвѣчалъ другой голосъ; преступленіе его противъ небесъ и неблагодарность его къ великодушному Принцу завели его въ ужасныя сіи мѣста для того, чтобы достойное получить себѣ за то наказаніе; но раскаяніе его и прозьбы великаго Пророка Магомета премѣнили учиненной на него приговоръ, естьли только сыщется такой неустрашимой человѣкъ, который отважится изторгнуть его изъ рукъ жестокосердыхъ тѣхъ островскихъ жителей, кои намѣряются жарить его по частямъ. Чуть только услышалъ я послѣднія сіи слова, то, не размышляя ни мало, я хочу, вскричалъ я, отважиться на сіе предпріятіе, сколь бы ни трудно и ни опасно оно было; но удостойте по крайней мѣрѣ наставить меня, какимъ образомъ притомъ поступить должно. Великодушный Котбединъ! продолжалъ вторый голосъ, мужество твое подавало мнѣ сію надежду; послѣдуй великодушному своему намѣренію: отдохнувъ въ сихъ мѣстахъ, испытай приключеніе Согамово, взойди на корабль, который найдешь въ гавани, и поѣзжай на немъ для произведенія предпріятаго тобою въ дѣйство. Какъ скоро голосъ сей сталъ не слышенъ, то Ахабаертъ и я вышли изъ сего кабинета съ тѣмъ, чтобы вступить въ великолѣпный садъ, который прошедъ, вступили въ

другую великолѣпную залу, гдѣ поставленЪ былЪ столЪ сЪ разными самыми вкуснѣйшими ѣствами. Послѣ кушанья вышли мы на дорогу, которая привела насЪ кЪ наполненной кораблями гавани. ТамЪ спрашивали у матроса, вЪ какомЪ мѣстѣ мы были. Милостивые государи! сказалЪ онЪ намЪ, вы находитесь на островѣ Даремѣ, который всегда баснословнымЪ почитался вЪ разсужденіи тѣхЪ трудностей, кои преодолѣть должно для приближенія кЪ оному. СамЪ-СуварЪ, сынЪ КагермановЪ, Полководца Феридунова, одного изЪ Царей первой области Персидской, былЪ первый, которому позволилось вЪ сіи мѣста пристать. Они наполнены были чудовищами толь страшными, что ни одинЪ смертный прежде его не отважился вступить вЪ оныя; однако сей Герой, коему ничто невозможнымЪ не казалось, осмѣлился пристать кЪ сему острову. Сражался тамЪ сЪ большею частію сихЪ чудовищЪ, и укротя тамЪ самое свирѣпѣйшее, которое СогамомЪ называлось, вЪ разсужденіи того, что оно было цвѣту и свойства желѣзнаго, сдѣлалЪ оное ручнымЪ, такЪ что употреблялЪ оное на баталіяхЪ вмѣсто лошади, и помощію онаго сдѣлалЪ ПерицовЪ властителями тѣхЪ чертоговЪ, изЪ коихЪ вы вышли, изгнавЪ оттуда ДивовЪ, яко главныхЪ ихЪ непріятелей. По томЪ, оставя на землѣ знаки чревычайной храбрости, исполнилЪ вЪ сихЪ мѣстахЪ долгЪ всѣхЪ смертныхЪ, и умирая оставилЪ ѣздалице свое подЪ смотрѣніе Шакаруну, который уже нѣсколько вѣковЪ ожидаетЪ сюда Героя, толь же неустрашимаго, какЪ и СамЪ-

СамЪ - СуварЪ. Какую пользу, сказалЪ я ему тогда, можетЪ мудрый сей старецЪ получить отЪ прибытія ожидаемаго имЪ столь долго сего человѣка?

СемендунЪ, продолжалЪ матросЪ, есть весьма мерзскій духЪ, проимянованный ГецарЪ-ЕкЪ-ДестЪ, потому что сЪ исполинскимЪ ростомЪ имѣетЪ онЪ силу тысячи человѣкЪ. ОнЪ живетЪ не подалеку отЪ сего острова, и приходитЪ туда часто для разграбленія, которое Шакаруна безмѣрно смущаетЪ; и сего чудовища можемЪ мы усмирять только поносною для насЪ даніею, которая навлекаетЪ намЪ неописанное безчестіе, и кою платимЪ ему уже лѣтЪ сЪ десять. Никто еще до сихЪ порЪ не могЪ избавить насЪ отЪ толь безпокойнаго непріятеля; причиною тому то, что онЪ побѣжденЪ долженЪ быть только однимЪ смертнымЪ которой бы отважился сѣсть на Согама СамЪ-Суварова; и сей звѣрь, толь же ужасный, какЪ и СемендунЪ, долженЪ быть укрощенЪ только тѣмЪ, который можетЪ надѣть на него золотую узду, кою СамЪ-СуварЪ употреблялЪ всегда, естьли на него садился. КакЪ онЪ растерзалЪ уже нѣсколько КавалеровЪ, осмѣлившихся кЪ нему подступить, то сіе произвело вЪ другихЪ такое отвращеніе, что тому уже болѣе шестидесяти лѣтЪ, что никто не хотѣлЪ на то отважиться. Я читалЪ нѣкоторую часть сей исторіи, продолжалЪ Висапурскій ПринцЪ; однако не хотѣлЪ оной нимало вѣрить. Со всемЪ тѣмЪ странное мое пришествіе на островЪ ДаремЪ побуди-

будило меня думать, что то можетъ быть и правда. Я спрашивалъ матроса, можно ли сего ужаснаго звѣря видѣть? Можно, милостивый государь! отвѣтствовалъ матросъ, онъ стоитъ въ одной бесѣдкѣ въ саду, изъ котораго вы теперь вышли, подъ кармазиннымъ навѣсомъ. Шакарунъ смотритъ за нимъ весьма рачительно, и онъ не откажетъ вамъ его показать, также и узду, которая заперта у него въ одномъ особливомъ покоѣ. Я просилъ матроса проводить насъ къ сему старцу. Онъ принялъ насъ весьма хорошо; и какъ я сказалъ ему, что я намѣренъ отвѣдать взнуздать Согама, то онъ повелъ насъ въ то мѣсто, гдѣ свирѣпый сей звѣрь находился. Признаюсь, что, увидя его, почувствовалъ въ себѣ немалое движеніе; однако, положа твердое намѣреніе лучше умереть, нежели оставить сіе предпріятіе, просилъ я сего мудреца, чтобы онъ меня наставилъ, какимъ образомъ поступить мнѣ при томъ должно. Государь мой! сказалъ онъ мнѣ, ты видишь, что сей ужасный звѣрь изъ многихъ свойствъ составленъ: у него голова барсова, въ разсужденіи чего онъ жестокость и скорость онаго имѣетъ. Тѣло его покрыто самою крѣпкою чешуею, которая у него на спинѣ составляетъ нѣкоторый родъ сѣдла, и по сему походитъ онъ на носорога, и имѣетъ его силу; а крылья его и ноги, вооруженныя разрѣзывающими и раздирающими все когтями, дѣлаютъ его столь же смѣлымъ, какъ грифъ. На сего-то толь страннаго звѣря ты долженъ взложить златую узду. Естьли такое приключеніе сохранено для другаго, а не для тебя, то сколь

бы

бы ни остра была сабля, которую я тебѣ даю; однако Согамъ разтерзаетъ тебя на мѣлкія части, прежде нежели дашь ему малѣйшую рану. Естьли напротивъ того определенъ ты къ скончанію сего рода волшебства, то чудовище сіе найдешь столь же смирнымъ, какъ самую лучшую выѣзженную лошадь; оно дастъ надѣть на себя узду, и допуститъ сѣсть на себя безъ всякаго затрудненія, и по всѣмъ нашимъ предсказаніямъ будешь ты побѣдитель Семендуновъ.

ВЕЧЕРЪ XXIX.

Конецъ исторіи Висапурскаго Принца.

Шакарунъ, говоря со мною, примѣчалъ, не перемѣнюсь ли я въ лицѣ, и видя, что, не взирая на всѣ объявляемыя имъ мнѣ опасности, пребывалъ я въ намѣреніи моемъ твердо: милостивый государь! продолжалъ онъ, подавая мнѣ золотую узду въ руки: естьли ты столь щастливъ, что Согама усмирить можешь, то воспомни, что надлежитъ тебѣ еще сражаться съ ужасымъ исполиномъ, который обыкновенно ѣздитъ на Рокгѣ, на коей вы вчера на ту неприступную занесены гору, которая островъ сей отъ людей скрываетъ. Сверьхъ великой силы, коею онъ обладаетъ, надлежитъ тебѣ сказать еще и то, что сей исполинъ есть изъ числа злыхъ духовъ, которые имѣютъ власть принимать на себя разные виды; онъ конечно превратится въ какое чудовище, какъ скоро увидитъ себя безсильна, или ранена на предпріемлемомъ тобою съ нимъ сраженіи. Но какой бы ни принималъ онъ на себя образъ,

однако ты не оставляй его до тѣхъ перъ, пока не отнимешь у него жизнь. Не страшись и сойти съ Согама; ты найдешь его, какъ скоро надобенъ тебѣ онъ будетъ; и естьли на столь странномъ сраженіи получишь побѣду, то знай, что освобождая насъ отъ несноснаго мучительства, исторгнешь и Султана Ормуцкаго изъ рукъ жестокой смерти, кою ему пріуготовляютъ, и что въ немъ найдешь такого человѣка, который терзается несноснѣйшимъ мученіемъ, что толико несправедливостей тебѣ всегда оказывалъ. Одинъ изъ нашихъ мудрецовъ, истребя изъ сердца его поносную страсть его къ Принцессѣ Канцадеѣ, отверзъ ему очи и показалъ твое достоинство. Будь только побѣдителемъ врага нашего, то уже въ страсти своей къ сестрѣ Ормуцкаго Султана не найдешь болѣе ни малѣйшаго препятствія.

Послѣднія сіи обѣщанія, продолжалъ Принцъ Висапурскій, усугубили во мнѣ желаніе и ревность къ сраженію, и Шакарунъ отворилъ мнѣ дверь къ ту залу, гдѣ стоялъ Согамъ. Я вошелъ туда не останавливаясь, держа въ лѣвой рукѣ золотую узду, а въ правой саблю, данную мнѣ симъ мудрецомъ. Какъ я не надѣялся имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, то уже совсѣмъ предался смерти, и проговоря одну молитву великому нашему Пророку, пріуготовлялся къ защищенію себя отъ нападенія чудовища; но вдругъ увидѣлъ, что оный палъ предо мною на колѣни, и протянулъ свою голову, чтобы надѣть на него принесенную мною узду. Сіе привело

вело меня въ толикую радость, что съ великимъ восторгомъ надѣвалъ на него оную, и сѣвъ смѣло къ нему на спину, чувствовалъ себя на немъ столь же твердо сидяща, какъ на самолучшей лошади.

Шакарунъ, павъ отъ того ницъ на землю: да прославится всемогущій Богъ и великій Пророкъ, вскричалъ онъ; смерть врага нашего уже приближается. Поѣзжай, неустрашимый воинъ! Согамъ будетъ вождь твой; но чтобы Семендунъ не имѣлъ предъ тобою преимущества, то въ сей день пользуйся даромъ превращенія, и помни, что въ живыхъ оставлять его не должно. Что касается до твоего товарища, то я въ отсутствіи твоемъ буду за нимъ смотрѣть самъ со всевозможнымъ раченіемъ.

Какъ скоро Шакарунъ скончалъ рѣчь сію, то кровля той залы, въ которой Согамъ стоялъ подъ наметомъ, разтворилась въ срединѣ, и сей чудесный звѣрь полетѣлъ на воздухъ, и унесъ меня на себѣ. Онъ летѣлъ надъ моремъ, какъ вдругъ увидѣлъ я исполина Семендуна летящаго ко мнѣ на Рокгѣ съ непонятною скоростію. Чрезмѣру великой его ростъ удивилъ меня сперва не мало; но ободренъ будучи словами Шакаруновыми, стремился я на него прямо, намѣрясь твердо не щадить его ни мало. Онъ вооруженъ былъ мѣдною съ преострыми шипами палицею, и замахнулся на меня столь сильно, что поразилъ бы меня конечно, естьли бы Согамъ не схватилъ оную своею лапою, которая гораздо

крѣпче желѣза. Между тѣмъ, какъ исполинъ старался вырвать свое оружіе, ударилъ я его саблею столь сильно, что кровь потекла изъ него ручьями; и какъ всѣ мои удары дѣйствительны были, и до самыхъ костей его пронимали, то поднялъ онъ толь ужасный ревъ, что и я устрашился. Видя, что палицы своей не можетъ онъ возвратить изъ лапъ Согамовыхъ, разсудилъ онъ ее оставить, и схватить меня, естьли то возможно будетъ, поперегъ тѣла. Но я, примѣтя сіе его намѣреніе, хотѣлъ отрубить ему саблею руку; однако въ то время Рокгъ повернулся, и сабля моя задѣла его по шеѣ, и онъ, почувствуя отъ сей раны чрезвычайную боль, сжалъ крылья, и упалъ въ море, надъ которымъ мы сражались. Какъ исполинъ полетѣлъ также съ нимъ вмѣстѣ, а Шакарунъ приказывалъ мнѣ не выпускать его изъ вида: то я, опасаясь, что Согамъ такъ скоро опуститься внизъ не можетъ, схватилъ Семендуна за руку, ударивъ его сперва саблею по головѣ, соскочилъ съ моего ѣздалища, и повергся за нимъ въ море. Какъ скоро дотронулись мы до сей стихіи, то приведенъ будучи въ удивленіе, не нашедъ предъ собою Рокга, ни исполина, увидѣлъ вмѣсто его морское чудовище престрашнаго вида и величины чрезмѣрной, которое, разверзя свою пасть, наполненную преострыми зубами, стремилось меня поглотить; но я, вспомня о своемъ новомъ дарованіи, превратился тотчасъ въ рыбу посредственной величины, и вскоча съ разбѣгу въ пасть чудовища, добрался до сердца, которое зубами

ото-

оторвалъ, и чудовище тотчасъ изчезло. Онъ принялъ на себя прежній свой образъ, и плылъ на мертвомъ тѣлѣ исполина. Хотя я отъ берега и не весьма отдаленъ былъ, и на ономъ всѣ жители острова Дарема находились; однако я опасался, чтобы волнующееся тогда море не унесло меня съ тѣломъ Семендуновымъ прежде, нежели подадутъ мнѣ вспомоществованіе, какъ Согамъ, бросясь въ воду, зацѣпилъ своими поводами исполина за шею, и притащилъ обоихъ насъ къ пристани.

Всѣ жители сего острова приняли меня съ тѣмъ наибольшею радостію, что смертію своего врага увидѣли себя освобожденными отъ такой дани, которая имъ неизреченную скорбь причиняла. Сіе чудовище требовало отъ нихъ всякой годъ въ положеный день десять самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвъ острова, такъ что до сихъ поръ никто не могъ найти къ отвращенію того средства, и уже дочь Шакарунова опредѣлялась въ число сихъ жертвъ, какъ я прибылъ на островъ. И такъ легко познать можно, сколь искренно радовались всѣ сіи жители, а особливо сей премудрый старецъ. Онъ велѣлъ зажечь превеликій костеръ и бросить на оный тѣло исполиново, которое тотчасъ и сгорѣло. Послѣ чего Согамъ, поднявшись на воздухъ, пропалъ у насъ изъ виду, а на морѣ показалось большое судно, которое на всѣхъ парусахъ бѣжало въ гавань. Оно пришло туда въ скоромъ времени, и удовольствіе жителей Даремскихъ было чрезмѣрно, когда увидѣли, что на суднѣ находились всѣ тѣ

 дѣвы,

дѣвы, которыя отдаваемы были Семендуну. Какъ скоро сіе чудовище привозило ихъ въ свое жилище, то одна Перица, защищающая ихъ отъ злыхъ его намѣреній, уносила ихъ у него по превосходящей своей предъ нимъ власти, и держала ихъ въ своемъ домѣ; но какъ ей не дозволено было возвратить ихъ родителямъ ихъ прежде смерти Семендуновой, то въ Даремъ не могла ихъ прежде сего времени отправить.

Послѣ торжествованія побѣды моей великолѣпнѣйшимъ образомъ, и по оказаніи мнѣ наичувствительнѣйшей благодарности, Шакарунъ проводилъ меня съ Ахабаертомъ къ гавани, и посадя насъ на корабль, на которомъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ, одѣтыхъ по Персидски, находилось, приказалъ Капитану онаго ѣхать къ тѣмъ берегамъ, на коихъ Султанъ Ормуцкій ожидалъ своей погибели.

Казалось, что вѣтры повиновались повелѣніямъ сего мудреца. Мы плыли съ такою скоростію, что въ два дни прибыли къ тому мѣсту, гдѣ Кацанъ-Канъ уже зрѣлъ приближающуюся мучительную смерть. Вамъ, милостивыя государыни, не безъизвѣстно, какимъ образомъ поступили мы съ сими безчеловѣчными островскими обитателями, которые погубить его приуготовлялись. Послѣ сей учиненной ему помощи, которая ни малѣйшей опасности насъ не подвергала, потому что они почли насъ такими людьми, кои посланы были съ небесъ, и противъ коихъ всякая оборона безполезна, взошли мы на нашъ корабль, и съ такою же скоростію про-

проѣхавъ чрезъ многія безъизвѣстныя намъ моря, вступили въ Дабулъ, гдѣ Ахабаерта наградилъ достойнымъ по заслугамъ его образомъ. Что касается до прочаго, то все вамъ не безъизвѣстно, понеже вы были свидѣтелями согласія Кацанъ-Канова на мое благополучіе. Сколь много были бы мы благополучны, естьли сей Государь по предвѣщаніямъ мудреца, излечившаго его отъ страсти къ Канцадеѣ, найдетъ въ божественномъ семъ жилищѣ скончаніе своихъ бѣдствій, и начало такого благополучія, которое до самой послѣдней минуты его жизни да продолжится.

Принцесса Аксу внимала послѣднимъ словамъ Висапурскаго Принца съ не малымъ смятеніемъ. Приключенія Ормуцкаго Султана тронули ее чрезмѣрно; она не могла отъ слезъ удержаться, слыша, въ какой опасности находился онъ у островскихъ жителей, и внутренно похваляла себя, что отверзла ему толь пространный путь въ свое сердце, будучи увѣрена, что Пророкъ на страсть ея соизволяетъ. Естьли сія младая Принцесса послѣдовала движеніямъ своего сердца, то и Кацанъ-Канъ не менѣе чувствовалъ въ себѣ стремленія къ такой любви, которую видѣлъ онъ и премудрымъ Кофробомъ похваляему, и которую, думалъ, взорами своими уже показалъ довольно сей прекрасной Принцессѣ, съ коей онъ не совращалъ глазъ своихъ ни на минуту, какъ скоро въ залѣ находились вмѣстѣ.

Огуцъ взиралъ со удовольствіемъ на совершеніе такого брака, коего слѣдствія не могли ему

быть непріятны. Союзъ Ормуцкаго Султана былъ для него полезенъ, и сей Принцъ, выключая тѣхъ мерзостныхъ чувствій, которыя онъ имѣлъ къ своей сестрѣ, и отъ коихъ онъ уже излечился, обладалъ всѣми совершенствами. И такъ Гузаратскій Султанъ показывалъ Иману, сколь нетерпѣливно желаетъ онъ заключенія сего брака, на что ему Кофробъ отвѣтствовалъ сими словами: милостивый государь! время сіе уже удалено не надолго; но прежде всего надлежитъ вамъ познать сердце Султаншъ вашихъ. Мнѣ кажется, что ихъ уже нѣсколько познавать начинаю, продолжалъ Огуцъ; Невбагара, Шабгерака и Геанзуца были мнимою моею кончиною чувствительно тронуты; но въ горести жить весьма скоро прискучитъ, и мнѣ кажется, что печаль ихъ нѣкоторымъ образомъ уменьшилась. Что же касается до Гуль-Сабы, то кончина моя смущала ее единственно по причинѣ ея сына, въ которомъ я всѣ признаки злаго нрава предвижу. Разговоры его о мнѣ съ своею матерію подтверждаютъ меня въ сей мысли довольно. Только одна Гегернаца питалась безпрестанно настоящею горестію и печалію, такъ что еще и по сихъ поръ ничто не могло отвратить ее отъ сихъ печальныхъ мыслей. Я свидѣтель ея плача, и естьли иногда, кажется, забываетъ она свою скорбь, внимая повѣствованію странныхъ разсказываемыхъ приключеній, то наединѣ начинаетъ паки упражняться въ чувствительнѣйшей печали, и съ Принцессою Аксу разговариваетъ только о томъ, сколько она нещастлива, что меня лишилась; но толь слабымъ опы-

томъ

шомъ я еще не доволенъ. Ты, любезный Кофробъ! обѣщалъ сдѣлать для меня нѣчто болѣе. Ты будешь доволенъ, милостивый государь! продолжалъ Иманъ; время въ объясненію сего еще не пришло; надлежитъ дожидаться онаго съ терпѣніемъ.

На другой день по семъ разговорѣ Султанши, пришедъ въ залу съ обыкновенною своею свитою, увидѣли тамъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ, имѣя величественный видъ, казался быть начальникомъ другаго; онъ былъ крайнѣ слабъ, и казалось отъ долговременной болѣзни началъ оправляться. Глубокая печаль изображалась у него на лицѣ и во всѣхъ его поступкахъ; и сколь много невольникъ его оказывалъ удивленія, видя себя въ толь великолѣпныхъ чертогахъ, столь много другой оказывалъ равнодушія, находясь въ такомъ состояніи. Нечувствительность сія привела Султаншъ во удивленіе; и одна изъ нихъ, оборотясь къ нему, сказала: государь мой! ты, кажется, ни мало не удивляешься, находясь въ сихъ мѣстахъ. Сіе возбуждаетъ въ насъ немалое любопытство; удостой же насъ повѣствованіемъ причины своего прискорбія; можетъ быть, объявя намъ оную, найдешь здѣсь нѣкоторое облегченіе, или посредствомъ нашихъ совѣтовъ, или зависимымъ отъ насъ вспомоществованіемъ. Ахъ, милостивая государыня! сказалъ онъ ей на то печальнымъ образомъ, я не знаю, сплю ли я, или нѣтъ; но въ какомъ бы состояніи я ни находился, однако нещастія мои таковы, что никакого облегченія

имѣть не могутъ, и повѣствованіе оныхъ умножитъ еще болѣе снѣдающую меня печаль, и разтравитъ рану, отъ которой я еще не излечился. И такъ сжальтесь надо мною, свободите меня отъ разсказыванія вамъ приключеній такoвой жизни, которая меня обременяетъ; естьли же знать ихъ желаете нетерпѣливно, то позвольте, чтобъ сей человѣкъ вамъ разсказалъ оныя, а меня прикажите отвести въ такое мѣсто, гдѣ бы могъ имѣть нѣкоторое спокойствіе, когда то возможно.

Султанши, тронувшись слезами, кои почтенный сей человѣкъ проливалъ, повелѣли отвести его въ особливый покой, и Кофробъ, проводя его туда самъ, велѣлъ подать ему шербету, въ который влилъ нѣсколько капель лечебнаго для ранъ его элексиру. Послѣ чего положилъ на постель, на которой заснулъ тѣмъ спокойнѣе, что скорбь, чувствуемая имъ отъ ранъ, престала, какъ скоро выпилъ онъ шербету. Иманъ оставилъ его одного, и какъ скоро пришелъ онъ съ другимъ незнакомцомъ въ залъ, то Султанши объявили ему, сколь великое желаніе имѣютъ онѣ знать приключенія его господина; въ разсужденіи чего онъ началъ говорить такъ:

Исторія о Цемь-Агцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Я не буду описывать вамъ, милостивыя государыни! положенія и состоянія Касгарскаго государства; потому что оное вамъ конечно извѣ-

извѣстно; намѣренъ же разсказать вамъ только странныя дѣла Принца Цемъ-Алцамана, единонороднаго сына Султана Фрайдуна, который государствомъ симъ управляетъ. Сей Государь имѣлъ кровопролитную войну съ Самаркандскимъ Султаномъ, которая нѣсколько времени ни на ту ни на другую сторону не склонилась; но наконецъ сей послѣднiй попавшись во власть Фрайдунову, былъ имъ убитъ на одномъ весьма жестокомъ сраженiи, которое на границахъ государства его произходило. По полученiи толь совершенной побѣды Касгарскiй Султанъ могъ бы разпространить завоеванiя свои даже и во внутренности Магаральнагарскаго царства; но довольствуясь единственно прогнанiемъ войскъ Самаркандскаго Государя, который напалъ на него несправедливымъ образомъ, и почитая за великое безчестiе вступать войною на земли своихъ сосѣдей, согласился съ охотою на миръ, коего супруга покойнаго его непрiятеля у него просила; и царствовалъ надъ областями съ кротостiю и тишиною, производя притомъ подданнымъ всякое правосудiе и награжденiе.

Самаркандскiй Государь оставилъ по кончинѣ своей только одну супругу, именемъ Аль-Альму. И какъ сiя Султанша при всякомъ случаѣ показывала великую премудрость и неустрашимость, то послѣ смерти сего Государя, у котораго была только одна дочь, подданные его, имѣя къ сей Государынѣ отмѣнную довѣренность, возложили на нее корону, не взирая на то, что на Востокѣ сiе не въ употребленiи.

Хотя

Хотя она и точно знала ту несправедливость, по которой ея супругъ объявилъ Фрайдуну войну, и состоянiе дѣлъ ея государства требовало просить у него мира; однако уронъ своего супруга терзалъ ее безпрестанно; и она только лишь мщенiя искала, и утѣшенiе свое находила только въ Принцессѣ Цендегрудѣ, своей дочери, которая, будучи тогда шести лѣтъ, обладала толь совершенною красотою, что заставляла думать, что она чудомъ естества будетъ; и Аль-Альма ласкалась посредствомъ своей дочери сдѣлать, такъ сказать, всѣхъ сосѣдственныхъ Государей своими невольниками и врагами Фрайдуновыми. Въ сей надеждѣ воспитывала младую Принцессу со всевозможнымъ попеченiемъ, вложа въ нее гордость львицы, внушила въ нее непреоборимую ненависть къ Касгарскому Султану, и прiучила ее слышать о его имени съ произнесенiемъ всякихъ проклинанiй.

Какъ Принцесса сiя была мужественнаго и крѣпкаго сложенiя, то Аль-Альма велѣла обучать ее всякимъ наитруднѣйшимъ тѣлеснымъ упражненiямъ; обучила ее ѣздить верьхомъ, и она съ лукомъ и стрѣлами ѣзжала часто на звѣриную ловлю. Словомъ, матери ея хотѣлось сдѣлать изъ нее Амазонку, или по крайней мѣрѣ, чтобы она на славныхъ сихъ женъ походила, въ разсужденiи ихъ мужества, которымъ онѣ даже до временъ великаго Искендера (Александра) во всей Азiи толикую прiобрѣли себѣ славу.

ВЕЧЕРЪ XXX.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Кастарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Принцъ Цемъ-Алцаманъ, препроводя ту ночь въ сералѣ, наслаждался почти совершеннымъ здравіемъ, и пришелъ въ залъ въ назначенной часъ со всѣми тамъ бывшими, которые ему великія ласки оказывали. Какъ скоро Султанши обьявили ему, что онѣ желаютъ знать продолженія его приключеній, то онъ далъ знать своему невольнику, чтобъ онъ продолжалъ начатое имъ повѣствованіе, и сей послѣдній говорилъ такъ.

Цендегруда успѣвала во всемъ по желаніямъ Султанши, своей матери. Чѣмъ болѣе умножался ея разумъ, тѣмъ болѣе и краса ея получила прелестей отъ преподаваемаго ей хорошаго воспитанія, при чемъ и ея тѣло пріобыкло къ наинесноснѣйшимъ трудамъ воинскимъ. Когда Аль-Альма усмотрѣла, сколь много Принцесса стараніямъ ея соотвѣтствуетъ, то не скрывала болѣе своего намѣренія, и представя ея всѣмъ сосѣдственнымъ своимъ владѣльцамъ награжденіемъ за отмщеніе, коего она издавна искала, опредѣлила ее супругою тому, которой подастъ ей болѣе средствъ къ низложенію ея врага.

Между тѣмъ, какъ Цендегруда прирастала въ лѣтахъ и въ совершенствѣ, Султанъ Кастарской, мой Государь, имѣя у себя только одного Цемъ-Алцамана, которой Принцессы Самаркандской былъ четырьмя годами старѣе, при-

прилагалъ всѣ свои старанія, чтобъ сдѣлать изъ него совершеннаго Принца; и Цемъ-Алцаманъ подкрѣплялъ намѣренія Султана, своего родителя, съ толикимъ успѣхомъ, что въ осьмнатцать лѣтъ не только пріобрѣлъ весьма хорошее познаніе въ наукахъ, и во всѣхъ состоянію его приличныхъ упражненіяхъ, но сдѣлался неустрашимѣйшимъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ подданныхъ своего родителя.

Какъ скоро достигъ онъ до сего возраста, то Фрайдунъ, принужденный выступить съ поле для отторженія нѣкоторыхъ Султановъ, своихъ сосѣдей, которыхъ Аль-Альма тайно возмутила итти на него войною, препоручилъ ему команду надъ нѣкоторою частію своей арміи; и сей Принцъ производилъ толь невѣроятныя храбрыя дѣла, что не только привелъ себя въ почтеніе у своихъ подчиненныхъ; но и привелъ въ страхъ и ужасъ своихъ непріятелей, у которыхъ трехъ начальниковъ убилъ своею рукою.

Толь удивительное начало возвело славу младаго Касгарскаго Принца на высочайшую степень, и слухъ о оной, достигши до Самаркандіи, произвелъ въ сердцѣ Султаншиномъ толь сильную печаль, что чуть отъ ярости не прекратила дней своихъ, и похвалы, приписываемыя сему Принцу, возбудили противъ него въ матери и въ дочери толикую же ненависть, каковую онѣ къ Султану, его родителю, чувствовали. Фрайдунъ, смутясь тайными военными пріуготовленіями Самаркандской Султанши, и зная, что она Принцовъ его сосѣдей на него возбуждала, чувствовалъ

не-

неописанную радость, увѣдомясь о производимыхъ Цемъ-Алцаманомъ дѣлахъ. Тогда не только не страшился онъ ни мало вспомоществованій, которыхъ Аль-Альма отъ Принцессы своей дочери ожидала; но и почиталъ за нужное только укротить благородное желаніе, которое Принцъ имѣлъ, чтобы Султаншъ упредить войною, пославъ войски свои въ ея земли. Любезный сынъ! говорилъ ему сей правдивый Государь, справедливость должна завсегда провождать всѣ дѣла наши. Хотя ненависть Султанши и не весьма справедлива; однако не могу осудить ее въ оной. Султанъ, супругъ ея, объявилъ мнѣ войну несправедливо; но онъ погибъ отъ руки моей; вотъ источникъ ея ненависти. Можетъ быть я и въ силахъ привесть себя въ безопасность отъ нападеній непримиримой непріятельницы, стараясь ее истребить до конца; но какую славу могу получить отъ воеванія съ женщиною и еще въ такое время, когда Султанъ Бокорскій пріуготовляется къ нападенію на ея государство? Младый Принцъ радовался чрезмѣрно толь великодушнымъ разсужденіямъ своего родителя; и какъ послѣднимъ своимъ сраженіемъ возстановилъ онъ твердый миръ въ земляхъ своего Государя, то просилъ родителя своего о увольненіи его на нѣкоторое время въ чужія земли. Султанъ не могъ отказать ему въ томъ, и онъ не мѣшкавъ отправился только съ двенадцатью человѣками. По прошествіи мѣсяца, почувствуя въ себѣ отъ путешествія нѣкоторое ослабленіе, послалъ десятерыхъ изъ нихъ съ письмомъ къ своему родителю, что намѣренъ

ѣздить

ѣздить скрытно, и сложа съ себя все свое величество, обѣщаясь ему притомъ отъ земель своихъ такъ далеко не отъѣзжать, чтобы при случаѣ непріятельскаго нападенія не можно ему было возвратиться вскорѣ. Сколь ни великую печаль произвело письмо сіе въ Фрайдунѣ; однако принужденъ былъ сносить отсутствіе сына своего терпѣливно, и полагаясь на его обѣщанія, ожидалъ возвращенія его спокойнымъ духомъ.

Имя Цемъ-Алцамана было уже вездѣ весьма громко; почему Принцъ не хотѣлъ называться онымъ, и оставя при себѣ только одного невольника и меня, запретилъ намъ не называть его иначе, какъ Эдрисомъ, и прошедъ подъ симъ именемъ нѣкоторую часть Туркистана, вознамѣрился отправиться въ землю Самаркандской Султанши, будучи по видимому побужденъ къ тому желаніемъ познать ея силы, или любопытствомъ увѣдать, столь ли велика была красота Цендегруды, которую мать ея толь страшною для Фрайдуна почитала.

Принцъ, вступя въ Мавараьнагару, увѣдомился, что Принцъ Кобадъ, братъ Аль-Альмы, располагался итти противъ Бокорскаго Султана; въ разсужденіи чего для лучшаго познанія искусства его въ войнѣ вознамѣрился онъ предложить ему свои услуги. Кобадъ, прельщенный пріятнымъ видомъ Цемъ-Алцамана, который явился ему подъ именемъ Эдриса, принялъ его съ крайнимъ удовольствіемъ; и сей юный Принцъ производилъ на сраженіи Кобадовомъ съ Султаномъ столь чудныя храбрыя дѣла,

что

что во всей армiи только о неустрашимомъ Эдрисѣ говорили, который въ тотъ день спасъ Кобада два раза отъ смерти, и былъ причиною совершеннѣйшей побѣды.

Аль-Альма, увѣдавъ отъ гонца, присланнаго къ ней отъ брата, о чрезмѣрной храбрости моего Государя, почитала его посланнымъ съ небесъ человѣкомъ не токмо для свобожденiя ея отъ злыхъ предпрiятiй Бокарскаго Султана, но и орудiемъ, способнымъ къ низложенiю Касгарскаго Султана, и къ пораженiю Цемъ-Алцамана сына его. И такъ, питаясь единымъ отмщенiемъ, писала къ своему брату, чтобы онъ ничего не упускалъ къ побужденiю Эдриса притти въ Самаркандъ для полученiя достойнаго по заслугамъ его награжденiя. Предложенiе сiе смутило нѣсколько Принца; однако, показывая великую скромность, не хотѣлъ обѣщать ничего положительнаго, и увѣрялъ только Кобада, что онъ изъ областей Султанши конечно не выѣдетъ, не увѣря ее самолично, какое почтенiе онъ къ ней имѣетъ.

Цемъ-Алцаманъ, котораго впредь буду называть Эдрисомъ, открылъ намъ смущенiе; но разсудя, что его при дворѣ семъ конечно не знаютъ, прошедъ чрезъ нѣкоторые Мавараль-нагарскiе города, вознамѣрился ѣхать въ Самаркандъ. Приближаясь къ одному лѣсу, который отъ сего города не болѣе, какъ мили на двѣ отдаленъ былъ, положилъ онъ, чувствуя въ себѣ отъ путешествiя нѣкоторую слабость, остановиться подлѣ онаго для отдохновенiя нѣсколь-

ко времени. Въ разсужденіи чего съѣхалъ съ дороги, и высматривая уединеннаго мѣстечка, услышалъ шумъ небольшаго ручейка, который протекалъ чрезъ камешки; онъ поѣхалъ до источника онаго, и шаговъ за сто увидѣлъ боевой ключь. Мѣсто сіе показалось ему чрезмѣрно пріятно, и онъ расположился препроводить тамъ нѣсколько часовъ; слѣзъ съ лошади, и повелѣвъ имъ отъ него удалиться, легъ на траву и заснулъ очень скоро.

Между тѣмъ, какъ Принцъ въ объятіяхъ спокойнаго сна находился, Цендегруда, которая, какъ я уже объявилъ, въ звѣриной ловлѣ главнѣйшее свое удовольствіе поставляла, ѣздила по тому лѣсу на прекрасной Арабской лошади. Гоняясь за серною, удалилась она отъ своихъ охотниковъ такъ, что того и примѣтить не могла, пока не пронзила звѣря своимъ копьемъ. Тогда помышляла она о скоромъ возвращеніи; но увидя себя не подалеку отъ сего ключа, вознамѣрилась утолить въономъ свою жажду: она слѣзла съ лошади, привязала ее къ дереву, и пошла по тропинкѣ. Прошедъ не болѣе пятидесяти шаговъ, первый предметъ глазамъ ея предсталъ Принцъ Касгарской, который спалъ такъ крѣпко, что не могъ пробудиться отъ шума, произведеннаго ея приближеніемъ. Хотя Цендегруда сперва и смутилась отъ толь нечаянной встрѣчи; однако имѣя предъ поломъ своимъ многія превосходства, страхъ ея миновался вскорѣ. Сверьхъ того нѣкая тайная склонность, удерживая ее въ сихъ мѣстахъ, побудила ее разсмо-

смотрѣть Принца, что напослѣдокъ произвело въ ней великое движеніе. Тогда было ему не болѣе дватцати лѣтъ, и какъ претерпѣнные имъ военные труды не уменьшили красоты его, то Принцесса не могла не признаться, что она еще никогда ничего толь совершеннаго не видывала; но потомъ, отвращая свои взоры отъ такого предмета, который оные стремилъ на себя насильно, воздыхала, и почувствуя къ сему прекрасному незнакомцу великую склонность, желала только того, чтобъ по крайней мѣрѣ была ему обязана благодарностію за погубленіе Кашгарскаго Султана и его сына, и чтобы небомъ опредѣленъ онъ былъ къ произволенію такого отмщенія, коего она столь ненасытно искала. Въ сихъ размышленіяхъ она остановилась, какъ Принцъ, проснувшись, смутился вдругъ, увидя Принцессу, такъ что не мѣшкая, вставъ и бросясь къ ея ногамъ, простите, милостивая государыня! сказалъ ей, дерзость такого иностранца, который еще не вѣдалъ, что вы сіи мѣста присутствіемъ своимъ удостоиваете; зная всѣ правила достодолжнаго полу вашему почтенія, не осмѣлялся бы никогда предстать предъ васъ такимъ образомъ. Встрѣча такого человѣка, отвѣтствовала ему Цендергруда, служитъ благополучнымъ для меня предвѣщаніемъ, и потому не раздражаетъ меня сіе ни мало. Встань, дорогой иностранецъ! Самаркандская Принцесса проситъ тебя о томъ.

ВЕЧЕРЪ XXXI.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Не можно довольно изобразить, въ какое удивленіе и радость приведенъ былъ Принцъ въ сію минуту. Вы, божественная Цендегруда! говорилъ онъ съ восхищеніемъ. Ахъ, милостивая государыня! сколь много я собою доволенъ, что оружіе свое обращалъ противъ враговъ вашихъ! Сколь щастливъ былъ бы я, естьли бы нѣкоторыми услугами, кои я вамъ оказать старался, имя Эдрисово до васъ достигло. Цендегруда, слыша имя Эдрисово, перемѣнилась въ лицѣ; отступила назадъ, и не могла взирать, не почувствуя неописанной радости, что тотъ, котораго пріятность подвергла ее владычеству любви, былъ щастія сего достоинъ, не столько своею красотою, сколько своимъ мужествомъ; однако старалась скрыть свое смущеніе, и говорила ему такъ: я вѣрю тебѣ безъ всякаго затрудненія, что ты въ самомъ дѣлѣ храбрый Эдрисъ; описаніе, которое я о тебѣ имѣю, уменшаетъ еще весьма многое, что я въ тебѣ вижу... Въ то время, какъ Принцъ и Принцесса такимъ образомъ разговаривали, охотники къ нимъ приближались, и Кобадъ, который также на ловлѣ находился, узнавъ Эдриса, соскочилъ съ лошади, и бросясь къ нему съ распростертыми руками, лобызалъ его стократно, и повелѣлъ воздавать ему достодолжную честь и почтеніе; при чемъ просилъ его, чтобы онъ поѣхалъ съ

ними

ними въ Самаркандъ, въ разсужденіи чего Принцъ сѣлъ на свою лошадь, которую я ему подвелъ, и ѣхалъ подлѣ Принцессы, разговаривая съ нею во всю дорогу.

Аль-Альма, желая чрезмѣрно съ симъ Героемъ видѣться, надѣясь побудить его воевать противъ Кастарскаго Султана, приняла Эдриса съ великою радостію и почтеніемъ, достойнымъ величайшаго въ свѣтѣ Государя; и старалась показать ему чувствительную свою благодарность за всѣ его къ ней услуги; словомъ, онъ пришелъ у ней въ весьма короткое время въ такую милость, что никакой любимецъ не имѣлъ никогда такой силы у своего Государя. Принцъ, будучи ласковъ и услужливъ, привелъ себя вскорѣ у всѣхъ подданныхъ ея въ любовь; и щастію его завидовали только нѣкоторые Принцы, кои, стараясь получить Цендегруду, опасались, чтобы Султанша, любя слѣпо сего незнакомца, не предпочла его всѣмъ имъ. Страхъ ихъ былъ тѣмъ справедливѣе, что гордая сія Принцесса, которая никогда не удостоила ихъ такимъ взоромъ, отъ коего бы они могли какую возъимѣть надежду, казалось, находила крайнее удовольствіе въ бесѣдѣ Эдрисовой; но онъ еще не осмѣлился открыть страсть свою Цендегрудѣ, какъ однимъ вечеромъ, прогуливаясь она съ нимъ въ придворномъ своемъ саду, приказала ему сѣсть подлѣ себя; и какъ невольницы ея отступили отъ нее изъ почтенія на нѣсколько шаговъ, то она, указывая ему на ключь, который подлѣ того мѣста былъ, сказала ему: сіе напоминаетъ

наетъ мнѣ то прекрасное мѣсто, въ которомъ я въ первой разъ Эдриса увидѣла. Примолвьте еще, милостивая государыня! сказалъ Принцъ, что на семъ то мѣстѣ положилъ онъ свободу свою предъ ноги божественной Принцессы Самаркандской, и заключилъ себя въ преславныя оковы, кои до самой смерти носить не престанетъ. Хотя объявленіе сіе и не раздражило Принцессу, однако она закраснѣлась, потупила прекрасныя свои очи въ землю, и не смѣла смотрѣть на Эдриса, который, примѣчая всѣ ея движенія, увидѣлъ, что она болѣе цѣломудрія, нежели гордости и гнѣва являетъ, отъ чего почувствовалъ въ себѣ еще болѣе смѣлости. Прекрасная Цендегруда! сказалъ онъ ей, естьли я васъ озлобилъ, то прикажите, какою смертію долженъ я за то претерпѣть наказаніе; но только будьте увѣрены, что сей Эдрисъ, который, будучи извѣстенъ единственно мечемъ своимъ, дерзнулъ устремить взоры свои на Самаркандскую Принцессу, не недостоинъ называться ея обожателемъ. Ни одному изъ пришедшихъ сюда Принцовъ не уступаю я породою; но простите, естьли теперь не могу объявить вамъ о томъ подробно; скрывать оную имѣю я весьма справедливыя причины.

Эдрисъ! сказала на то Принцесса, мы должны тебѣ столь много, что всего болѣе желали бы познать отъ тебя сіе таинство; но естьли объявленное тобою истинно, то знай, что Цендегруда кромѣ тебя никому принадлежать не будетъ. Послѣднія сіи слова смутили Принцессу такъ много, что долго не могла ничего проговорить;

ритъ; однако, собравшись съ силами, продолжала такъ: ахъ, Эдрисъ! что я тебѣ открыла? Какъ могла я позабыть, что не должна располагать своимъ сердцемъ, и что оно, какъ и рука моя, опредѣлено тому, который къ ногамъ моей родительницы принесетъ главу Касгарскаго Султана.

Сіи послѣднія слова потревожили Эдриса не мало; однако, преодолѣвъ себя, и стараясь скрыть отъ Принцессы свое прискорбіе, сказалъ ей: милостивая государыня! мнѣ не безъизвѣстны были обязательства, которымъ подвергаются тѣ, кои стараются о пріобрѣтеніи той славы, чтобы обладать вами; и хотя рѣчи мои кажутся гордостію исполнены, однако обѣщаюсь вамъ, что божественной Цендегруды до тѣхъ поръ не дерзну требовать, пока не возложу ей на главу Касгарскую корону.

Хотя Принцесса и не поняла истиннаго смысла обѣщаній Принцовыхъ; однако твердость, съ которою онъ говорилъ съ нею, удостовѣряли ее въ высокой его породѣ; и приводя себѣ на мысль имена сильнѣйшихъ Государей на востокѣ, изъ числа коихъ она Цемъ-Алцамана по ненависти своей къ нему изключала, не могла она себѣ вообразить того, чтобы Эдрисъ и онъ одного человѣка составляли. Наконецъ Цендегруда, приведена будучи разговоромъ симъ въ смятеніе, встала съ своего мѣста, и приближась къ своимъ прислужницамъ, возвратилась въ свои покои, гдѣ всю ночь въ великомъ безпокойствѣ препроводила.

Чуть

Чуть только наступилъ день, какъ Аль-Альма, желая воздать Пророку благодаренiе за прибытiе Эдрисово въ ея земли, вознамѣрилась для сего итти въ соборную Самаркандскую мечеть. Она пошла туда съ обыкновенною своею свитою, и приближаясь къ оной, увидѣла у вратъ великую толпу народа, которой смотрѣлъ на одну престарѣлую женщину, производящую великiй крикъ. Она велѣла народъ разогнать, и подошедъ къ сей старухѣ, спрашивала ее о причинѣ ея скорби. Ахъ, милостивая государыня! отвѣтствовала ей старуха, проливая слезъ потоки, у меня только одинъ сынъ и былъ, но и тотъ погибъ теперь отъ своего упрямства. Одинъ престарѣлый Календеръ, котораго я сею ночью на ночлегъ пустила, видя, что онъ прiуготовлялся верьхомъ ѣхать гулять съ своими прiятелями, старался всячески уговорить его, чтобы онъ остался дома. Ты сей день, говорилъ онъ ему, угрожаемъ великимъ нещастiемъ; но можешь его избѣгнуть, когда со двора не поѣдешь. Отложи гулянье свое до другаго дня, и будь увѣренъ, что, послѣдуя моему совѣту, проживешь долго и благополучно, и что злой рокъ, который тебя въ Самаркандскихъ улицахъ ожидаетъ, отъ тебя удалится. Сынъ только лишь смѣялся сему увѣщанiю; почелъ Календера сумазбродным, и сѣвъ верьхомъ, выѣхалъ изъ дома, не внимая ни моему плачу, ни моимъ прозьбамъ; и скакавъ во весь опоръ, набѣжалъ на сiи врата, отъ чего лошадь его спотннувшись, упала на него и переломила ему шею.

Цендеpгруда, удивляясь сему предвѣщанію, старалась нещастную сію мать утѣшать всякими способами. Повелѣла умершаго ея сына отнести къ ней въ домъ, и послала одного изъ своихъ невольниковъ къ сему Календеру съ тѣмъ чтобъ уговорилъ его съ нею повидаться. Въ разсужденіи чего невольникъ изполнилъ повелѣніе сіе такъ хорошо, что она, возвратясь въ свои чертоги, нашла уже тамъ сего Календера. Почтенный старецъ! сказала она ему, извѣстіе, поданное мнѣ о тебѣ сей день, приводитъ меня въ немалое удивленіе. Возможно ли, чтобъ тотъ юноша, у котораго въ домѣ препроводилъ ты сію ночь, лишился жизни за то, что совѣту твоему не хотѣлъ послѣдовать? То конечно истинно, милостивая государыня! отвѣтствовалъ ей старикъ учтивымъ образомъ: я всю жизнь мою употребилъ на разпознаніе физіогноміи, и по правиламъ моея науки предусмотрѣлъ нещастіе, которымъ сей юноша былъ угрожаемъ.

Принцесса приказала тогда всѣмъ притомъ бывшимъ изъ комнаты той удалиться. Премудрый старецъ! сказала она ему, когда по единому разсматриванію лица можешь ты познавать такія таинства, то открой мнѣ, чего я должна ожидать, или страшиться? Милостивая государыня! сказалъ ей на то Календеръ, поглядя на нее пристально: хотя открытіемъ Государямъ истинны и подвергаютъ себя иногда опасности, однако я не хочу утаить теперь, что я о васъ мышлю. Къ чрезмѣрной красотѣ присоединяете вы пре-

превосходное мужество; но всѣ ваши хорошія свойства бываютъ иногда помрачаемы движеніями такого гнѣва, который роду вашему поносенъ, потому что вамъ кротость и воздержаніе приличествуютъ. Старайтесь поступать притомъ съ неусыпною осторожностію. Сколь вы щастливы, естьли любовь, которую внушилъ въ васъ достойный оной младый Герой, не сдѣлается вамъ отъ сего плачевною, и естьли стремленіе страстей вашихъ, производя всѣ злополучія вашей и его жизни, не будетъ препятствіемъ къ пріобрѣтенію такой короны, которую онъ на главу вашу возложить готовится!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

превос … хорошія свой-
ства … движеніями
такого … поносенъ,
потом … каніе прили-
чест … притомъ съ
неусы … щасшливы,
есть л … въ васъ до-
стойн … ается вамъ
отъ с … мленіе стра-
стей … чія вашей и
его ж … емъ къ прі-
обрѣт … нъ на главу
вашу …

… А,